

К предыстории русск. «государь»

А. ЗОЛТАН

(ZOLTÁN A., ELTE Orosz Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364)

1. В этимологической литературе русск. *государь* без исключений возводится к более раннему *господарь*; разногласия имеются лишь в способе объяснения перехода *господарь* > *государь*.¹ Одни исследователи считают этот процесс фонетическим,² другие предполагают более сложный путь — обратное заимствование из тюркских или финских языков;³ было высказано также мнение, что *государь* получилось из *господарь* в результате контаминации со словами *суд*, *судить*.⁴ Ни одна из перечисленных точек зрения не является достаточно аргументированной и поэтому вопрос о характере перехода *господарь* > *государь* нельзя считать решенным. В настоящей статье мы не касаемся вопроса об этом переходе, хотя, быть может, наши наблюдения могут послужить ориентиром для решения и этого вопроса; наше исследование посвящено ранней истории слова *господарь* и, в первую очередь, появлению у него значения 'монарх', которое и обусловило употребление его в качестве великокняжеского, а затем царского титула.

2. Этой — историко-семантической — стороне вопроса в этимологической литературе уделяется мало внимания; обычно игнорируется факт, что *господарь* является общеславянским только в значении 'хозяин, владелец', а не как титул главы государства. В этом последнем значении слово отмечается только в восточно-славянских и в сербском языках.⁵ Переход значения

¹ Преобр I, 152, Фасмер I, 446, 448, ШанЭСРЯ I/4, 146, 150, ТрубЭССЯ 7, 59—60.

² Преобр., ШанЭСРЯ.

³ E. BERNEKER, *Slavisches etymologisches Wörterbuch I (A—morz)*, Heidelberg 1908—1913, 335.

⁴ Черных 213—214.

⁵ Сочетание *król gospodarz* зафиксировано также в древнепольском (SStp II, 467), однако только в единственном памятнике второй половины XV в., в формуляре присяги членов городского магистрата, записанном на первой странице рукописной книги, содержащей тексты городских уставов на латинском и немецком языках (Rękopis Baworowskich nr 1014): „Ja przysagam bogu y krolowi gospodarzowiy y takosz gego namystnikum y wszym tego mista werzen bycz”, „My przysagamy bogu Crolowiy gospodarzowiy (y tagosz yego namistnycom)” (J. Łoś, *Przegląd językowych zabytków staropolskich do r. 1543*. Kraków 1915, 539). Издатель не указывает место написания этого памятника, однако наличие нетипичных для древнепольского форм *misto*, *namistnik* (ср. SStp V, 67) указывает на украинское влияние. Поэтому можно считать абсолютно вероятным, что изолированное

'хозяин' > 'монарх' не является чем-то само собой разумеющимся, новое значение в тех языках, в которых оно имеется, возникло, по всей вероятности, намного позднее распада праславянской языковой общности, из которой отдельные славянские языки унаследовали слово *gospodarь* только в исходном своем значении.

Слово *господарь* 'хозяин, владелец' нужно признать праславянским наследием также в восточно-славянском несмотря на то, что А. А. Шахматов⁶ и — вслед за ним — Р. О. Якобсон⁷ считали его заимствованием из чешского (причем Шахматов — через польское посредство) на том основании, что это слово уже в древнейших памятниках выступает часто без начального *g-*: *осподарь*. От этой точки зрения заставляют нас отказаться следующие обстоятельства: 1. В восточно-славянских памятниках XI—XIV вв. *господарь/осподарь* 'хозяин' хорошо засвидетельствовано как на северно-русской, так и на южно-русской территории, как в памятниках церковно-литературного, так и делового характера. 2. Слово *господарь* в своем исходном значении вытесняется позже тюркизмом *хозяин* только в великорусском, но в украинском (*господар*) и белорусском (*гаспадар*) языках оно остается донныне основным словом для выражения понятия 'хозяин' (укр. *хазяїн* следует считать поздним заимствованием из великорусских акающих говоров). Надо принять, — вопреки предположению Шахматова, — что северно-великорусские написания типа *осподи*, *осподинь*, отражающие произношение с [y], вызваны не влиянием якобы заимствованного из чешского [y]*осподарь*, а наоборот, произношение [y]*осподарь* распространилось на северно-великорусской территории под влиянием однокоренных церковнославянских слов.

Слово *господарь/осподарь* 'хозяин' засвидетельствовано в новгородской берестяной грамоте № 247 (XI в.):

(1) А господарь въ нетажѣ, недѣе,⁸

др.-польск. *gospodarz* в этом значении является украинизмом. Ср. также сочетание *hospodar krol* в разрезной грамоте львовского воеводы 1400 г., где слово в этом значении выступает в украинской фонетической форме: „Ja Pan Jan Woiewoda Lwowski, Pan Klins, Pan Daniło Zadrzewiczki, Visznawamij tho thym naszym listym podluk nasego *hospodara krolia* przykazania, któri kazal roziechacz granice . . .” (J. Łoś, указ. соч. 283; текст грамоты издан Ф. Бентковским по списку Коронной Метрики [кн. LXXXV, л. 448], см. *Historia literatury polskiej wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych przez F. BENTKOWSKIEGO*, I. W Warszawie i Wilnie 1814, 185).

⁶ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии 11, 1). Петроград 1915, 178.

⁷ Р. Якобсон, *New Slavic Etymological Dictionaries: Slavic Word 1* (= Word 8 [1952] 4), 390.

⁸ А. В. Арциховский, В. И. Борковский, Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). Москва 1963, 69—71. Слово встречается также в отрывочной грамоте № 465 (первая половина XV в.), где оно, однако, употреблено уже в качестве титула, по мнению издателей, — по отношению к князю Константину Дмитриевичу: [к *осподи*н]у к *осподарю*]. На основании исторических соображений издатели относят данную грамоту к 1420 г., см. А. В. Арциховский, В. Л. Янин, Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962—1976 годов). Москва 1978, 61—63.

в Синайском патерике XI—XII вв.:

(2) Не въдуцю господарю нивѣ,⁹

в надписи на чаре черниговского князя Владимира Давидовича до 1151 г.:

(3) а се чара кна[жа] володимиро
ва давыдов[и]ча кто из нее
пь[е] тому на здоровье а хвала
бога [и?] своего ѡсподара великого
кна[за],¹⁰

как социальный термин 'владелец раба, холопа' отмечается в ряде грамот и юридических документов:

(4) А старостѣ ни холопа ни робы без господаря твоимъ судиямъ не судити,¹¹

(5) а кто холопъ или роба иметса тагати съ осподарем и пошлетса на правду, а не будет по них порѣки, ино их обинити,¹²

в дополнительной статье Русской правды («О коне»):

(6) А кто конь купить княжь боярин, или купечь, или сирота, а будеть в коне червь или проестъ, а то поидеть к осподарю, у кого будеть купил, а тому свое серебро взяти опять взад,¹³

в таком же значении слово **гдрь** встречается в Псковской судной грамоте и в Судебнике Ивана III 1497 г., а также в московских судебниках XVI в. Отметим, что сокращенное написание **гдрь** без всякого основания читается

⁹ СрезнМат I, 563, ср. Синайский патерик. Издание подготовили В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина. Под ред. С. И. Коткова. Москва 1967, 61; ср. также: **въсхотѣ** ѿ **господарь съжещи** (там же, 146).

¹⁰ СрезнПам 60—61, ср. также ОбнБарх I, 35; Б. А. Рыбаков, Русские датированные надписи XI—XIV вв. (Археология СССР. Свод археологических источников. Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. Вып. Е1-44). Москва 1964, № 24, с. 28—29 и табл. XXIX. Исследователи обычно не устывают перед искушением видеть в этом тексте слово *осподарь* в значении 'государь' (ср. СрезнМат II, 735). Однако нельзя не заметить, что, с одной стороны, эта фиксация опережает на два столетия первую фиксацию слова *господарь* в подобном значении в западно-русском (см. ниже), а с другой — что в тексте надписи на заздравной чаре абсолютно подходит значение 'хозяин': 'пусть хвалят хозяина, великого князя'.

¹¹ 1304—1305 гг., ГВНП № 6, с. 16; ср. также № 7, с. 17—18, №№ 9—10, с. 20—22, № 14, с. 26 (1307—1327 гг.).

¹² Ок. 1396 г., список середины XV в., ДДГ № 15, с. 42.

¹³ Правда Русская I, Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. Москва—Ленинград 1940, 289 (Пушкинский список второй половины XIV в.).

издателями этих текстов как *государь*, хотя слово в них встречается только под титулом,¹⁴ а в актовом материале до XVI в. нет никаких положительных свидетельств в пользу наличия формы *государь*, между тем как *господарь/осподарь* засвидетельствовано многократно. Иногда сокращенное написание *гдрь* раскрывается издателями как *государь* даже в западно-русских текстах, напр., в западно-русском переводе Статута Казимира III 1347 г. (в списке конца XV в.):

(7) годиться государю того жыта боронити своего,¹⁵

хотя в подлиннике это слово стоит везде под титулом¹⁶ (ср. также *осподарь* в Судебнике Казимира IV 1468 г.);¹⁷ такой прием создает впечатление, как будто и в западно-русском существовала форма *государь*, но это противоречит фактам.

На этом мы заканчиваем далеко неполный обзор ранних фиксаций слова *господарь/осподарь* в восточно-славянском. Для нас важны следующие выводы, которые можно сделать на основе приведенного материала: 1. Слово (*г*)*осподарь* 'хозяин' в XV в. было еще известным на всей восточно-славянской территории. 2. Можно думать, что за сокращением *гдрь* в XV в. кроется еще везде *господарь*; во всяком случае в данный период ничего (кроме произвольной модернизации текстов некоторыми издателями) не свидетельствует о наличии формы *государь* 'хозяин'. 3. В землях, вошедших к концу XV в. в Московское государство, слово (*г*)*осподарь* как элемент великокняжеского (или любого) титула до XV в. не засвидетельствовано, значит, появление нового значения 'монарх' и распространение его в качестве титула происходило в Московской Руси на протяжении XV столетия.

¹⁴ См. фотокопии в изданиях: Псковская судная грамота. Изд. Археографической комиссии. Санкт-Петербург 1914; Судебники XV—XVI вв. Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Москва—Ленинград 1952.

¹⁵ СрезнМат I, 571 по АЗР I, № 2.

¹⁶ *гдрю* (л. 29), *гдрьскы* (л. 34 об.), см. фотокопию в издании: S. ROMAN, A. VETULANI, Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław—Kraków 1959, 149, 166; в транскрибированном тексте, впрочем, и в этом издании дается *hosudarju* (82) и *hosudar'skuj* (92). Отметим, что в этом памятнике *гдрь* встречается и в значении 'монарх': *колиж ѡдн гдрь вси^х есть. тогды ѡдна манита масть быти* (л. 34 об., с. 160); в транскрипции издателей и в этом случае *hosudar'* (89). Ср. лат. „Et ex quo *vnus princeps est omnium et dominus, statuimus* [...] quod vna moneta in toto nostro regno debeat haberi” (L. ŁYSIAK, S. ROMAN, Polskie statuty ziemskie w redakcji najstarszych druków [syntagmata]. Wrocław—Kraków 1958, 105); польский перевод (по списку начала XVI в.): „Gdyz wzyemu *yeden kxyadz, yedno prawo, yedna moneta yesth*” (Tłumaczenia polskie statutów ziemskich [...] Kodeks Świętosławów. Wyd. F. PIEKOSIŃSKI. [= Archiwum Komisji Prawniczej III]. Kraków 1895, 61). О языке и об источниках западно-русского перевода см. А. WANDAS, Język staroruskiego przekładu polskich statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. Wrocław—Warszawa—Kraków 1966.

¹⁷ См. Законодательные акты Великого княжества Литовского. Сборник материалов подготовлен к печати И. И. Яковкиным. Ленинград 1936, 12—14.

3. Как установлено историками, слово *господарь* как элемент великокняжеского титула проникает в Московскую Русь в XV в. из Литвы.¹⁸ Однако недавно была высказана и другая точка зрения, противоположная первой: «Протестуя против применения русским князем [Иваном III] термина „господарь“, Казимир [IV] ввел его (в форме „господар“) в собственный титул в сношениях с русскими землями, в частности Псковом»,¹⁹ при этом форма *осподарь* автором рассматривается как южнославянская («В грамотах в Крым Иван III назван „царем“ и по южно-славянскому образцу — „осподарем“»).²⁰ Как видно хотя бы по материалам, приведенным Штеклем и Алефом, история этого титула в Московской Руси начинается не с Ивана III, а в Литве не с Казимира IV. Штекль²¹ и Водов²² указывают на Витовта, при котором этот титул закрепился за великими князьями в Литве (Штекль, впрочем, считает *господарь* словом церковнославянским). Однако имеются данные, позволяющие отодвинуть появление титула *господарь* в западно-русском деловом языке на более раннее время и проливающие свет на его происхождение.

Итак, титул *господарь* в восточно-славянском актовом материале встречается впервые в грамотах, вышедших из русской канцелярии польского короля Казимира III (1330—1370) и входит в его титулатуру в связи с тем, что Польша в середине XIV в. (в 1349 г.) присоединила к себе бывшее Галицкое княжество. Присоединение это не означало инкорпорацию Галицкой Руси в Польшу, так как на Галицко-Волынскую Русь претендовала и союзная с Польшей Венгрия. По договору, заключенному в 1350 г. между Казимиром III и венгерским королем Людовиком Анжуйским, польский король мог сохранить за собой „*regnum Russiae*“ до своей смерти; после смерти Казимира Венгрия могла бы выкупить эту землю за 100 000 флоринов у наследников Казимира; если же после смерти Казимира не останется наследников, русская земля должна перейти во владение Людовика.²³ До 30-х годов XV в. эта территория управлялась старостами как отдельное владение. В титулатуре Казимира

¹⁸ G. Stöckl, Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven: SAECVLVM, Jahrbuch für Universalgeschichte 5 (München 1954) 104—118; G. Alef, The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II: Speculum 34 (1959) 1—19; W. VodoFF, Remarques sur la valeur du terme 'tsar' appliqué aux princes russes avant le milieu du XV siècle: Oxford Slavonic Papers II (1978) 1—41. Ср. также нашу заметку по происхождению русского слова *государство*, в которой изложены в зачаточном виде (в качестве предположения) основные положения настоящей статьи: A. Zoltán, Polskie państwo a rosyjskie gosudarstwo: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego, Filologia Rosyjska 10 (1982) 111—115.

¹⁹ А. Л. Хорошкевич, Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. Москва 1980, 88, сн. 65.

²⁰ Там же, сн. 66.

²¹ G. Stöckl, указ. соч. 115.

²² W. VodoFF, указ. соч. 25.

²³ См. H. Paszkiewicz, Z dziejów rywalizacji polsko-węgierskiej na terenie Rusi Halicko-Włodzimierskiej w XIV w. Lwów 1924 [= Osobne odbicie z „Kwartalnika Historycznego” r. 38], 6—7.

мира III выражение «господарь русской земли» появляется как знак распространения власти короля еще на одно владение:

(8) **А се А король. казимиръ. краковъский. и куавъский. и господарь. рускоѣ землѣ,**²⁴

(9) **Подъ державою великого корола краковъского Казимира и господара Рускоѣ землѣ.**²⁵

Характерно, что от 1349 г. имеется также первая подлинная латинская грамота Казимира III, в которой он титулуется следующим образом:

(10) *nos Casimirus dei gratia rex Polonie dominusque terre Russie.*²⁶

Тот факт, что слово *господарь* как элемент монаршеского титула исторически впервые засвидетельствовано в русских грамотах польского короля, захватившего Галицкое (и — частично — также Волынское) княжество, может привести к выводу о том, что общеславянское *господарь* 'хозяин' либо приобрело новое значение в русской канцелярии Казимира III, либо же употребление слова в этом, неизвестном до этого, значении продолжает галицко-волынскую традицию. В связи с этим последним предположением надо иметь в виду, что русские грамоты Казимира III в дипломатическом отношении не являются буквальными переводами латинских грамот, они представляют собой своеобразную контаминацию древнерусских и латинских образцов, т. е. можно полагать, что составителем этих грамот был человек (по наблюдениям В. Курашевича, все три известные подлинные русские грамоты Казимира III принадлежат перу одного и того же лица),²⁷ не просто знающий галицкий говор и древнерусскую грамоту, но знающий и традиции галицко-волынского делопроизводства, продолжающий в краковской королевской канцелярии навыки, приобретенные еще в канцелярии последних галицко-волинских князей, испытывая при этом в новой среде, конечно, и влияние латинских образцов и польского разговорного языка. На сохранение некоторых особенностей восточно-славянской дипломатики указывает наличие начальной

²⁴ После 1349 г., см. Гр XIV, № 12, с. 27.

²⁵ 1351 г., см. СрезнМат I, 563.

²⁶ Грамота, данная Казимиром III торунским купцам на свободный проезд через Польшу во Владимир Волынский, Сандомир, 5 декабря 1349 г., см. сборник Болеслав-Юрий II, С.-Петербург 1907, 80. А. А. Куник указывает на еще одну грамоту от 2 февраля 1346 г., в которой Казимир назван „*Dei gracia rex Polonie* [. . .] *Russieque dominus et heres*”, однако датировка и подлинность этой грамоты, опубликованной по списку в издании *Akta grodzkie i ziemskie VII, Lwów 1878, 7*, вызывает серьезное сомнение, ср. там же, с. 124. О титулатуре Болеслава-Юрия II во всех известных — латинских — грамотах см. H. PASZKIEWICZ, *Ze studiów nad polityką, polską, litewską, i krzyżacką Bolesława Jerzego, ostatniego księcia Rusi Halicko-Włodzimierskiej: Ateneum Wileńskie 1924, 5: 36.*

²⁷ См. КурасzkJęz 5.

формулы «А се А», соответствующей такой же формуле «Се азъ» древнерусских грамот, известной начиная со Мстиславовой грамоты 1130 г.,²⁸ которая, несомненно, характеризовала и галицко-волынскую канцелярскую практику (ср. грамоты, внесенные в текст Галицко-Волинской летописи).²⁹ Известно, что Галицко-Волинское княжество поддерживало тесные контакты с папской курией и с соседними католическими государствами с латинским делопроизводством (в первую очередь — с Польшей и Венгрией) задолго до присоединения его к Польше, и князь Даниил Романович в середине XIII в. даже короновался на «русского короля». ³⁰ Можно полагать, что в XIII в. в Галицко-Волинском княжестве существовала уже латинская канцелярия, хотя из этого столетия известны лишь папские буллы, адресованные галицким и владимирским князьям.³¹ Однако с первой четверти XIV в. известны и латинские грамоты галицко-волинских князей.³² Последним галицко-волинским князем

²⁸ Вопрос о происхождении начальной формулы древнерусских грамот нельзя считать решенным. Тот факт, что эта формула выступает уже в самых ранних грамотах в форме *Се азъ . . .*, привел в свое время Н. Н. Дурново к предположению о том, что «для русских княжеских канцелярий домонгольской эпохи образцом мог быть язык болгарских царских канцелярий, и они переняли отсюда формулу начала княжеских грамот „Се азъ“ с болгарским личным местоим. 1 sg» (Н. Н. Дурново, Введение в историю русского языка. Москва 1969, 94—95; ср. также И. С. Улуканов, О языке Древней Руси. Москва 1972, 98). В языковом отношении форма *азъ* несомненно болгарского происхождения, но форма *се азъ* не может быть возведена безоговорочно к болгарскому образцу по той простой причине, что болгарских грамот с такой формулой нет (о дипломатике первого болгарского царства нам ничего неизвестно; в грамотах болгарских царей эпохи второго болгарского царства эта формула не встречается, см. Г. А. Ильинский, Грамоты болгарских царей [Древности, Труды Славянской комиссии императорского Московского Археологического общества V]. Москва 1911; этой формулы нет и в сербских грамотах, см. MonSerb). Можно, конечно, предположить, что грамоты с такой начальной формулой были (во время первого болгарского царства, о дипломатике которого мы ничего не знаем), но с равной степенью вероятности можно также полагать, что эта формула возникла уже на Руси — в церковной среде. Имея в виду большую политическую раздробленность Руси в XII в. и одновременно всеобщность все-таки этой формулы в восточно-славянских духовных и жалованных грамотах уже в домонгольский период, нам не остается ничего, как предположить, что она распространилась под влиянием именно церковного, а не княжеского делопроизводства. Немногочисленные грамоты XII в. не дают основания для того, чтобы можно было с уверенностью говорить о существовании отдельных княжеских канцелярий; многочисленные церковнославянизмы и грецизмы в Мстиславовой грамоте 1130 г. (см. Iss GRS 115—118) заставляют нас принять, что канцелярские задачи на первых порах у восточных славян (как и в Западной Европе) исполнялись духовными лицами; во всяком случае, имеются известия о том, что княжеские печатники занимали высокие должности в церковной иерархии, напр. в XIII в. митрополит Кирилл был ранее печатником Даниила Романовича Галицкого, а в XIV в. нареченный митрополит Митяй ранее был печатником Дмитрия Донского; до конца XV в. все известные княжеские печатники принадлежали к духовенству, см. В. А. Водов, Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. — 1425 г.): Исторические записки 103 (1979) 342—343.

²⁹ ПСРЛ II, Москва 1962, 903—904 (под 1287 г.).

³⁰ Там же, 827 (под 1255 г.), ср. В. Т. Пашуто, Очерки по истории галицко-волинской Руси. Москва 1950, 258—259; В. П. Шушарин, Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках: Древнерусское государство и его международное значение. Москва 1965, 444. Отметим, что первым «русским королем» в Галицкой Руси был венгерский королевич Коломан (сын короля Андрея II), коронованный в 1217 г. (Hóman B., Szekfű Gy., Magyar történet I. Budapest 1935, 437).

³¹ См. СрезПам 116, ср. В. П. Шушарин, указ. соч. 444—445.

³² 1316 г., СрезПам 173—174; 1320 г., там же, 177; 1325 г., там же, 180; 1334 г., там же, 185.

был впрочем сын мазовецкого князя Тройдена, Болеслав (Юрий II, 1323—1340), о котором известно, что он покровительствовал иностранцам в своем государстве.³³ Знаменательно, что в некоторых из латинских грамот последних галицко-волинских князей выступает элемент титула „*dominus Russiae*”:

(11) *Andreas Dei gratia dux Ladimiriae et dominus Russiae*,³⁴

(12) [*Georgius*] *ex dono Dei natus dux et dominus Russiae*.³⁵

Ср. также титул Ягайла в одной из латинских грамот 1383 г., т. е. до коронации его на польского короля:

(13) *magnus rex vel dux litwanorum Russiaeque dominus et heres*.³⁶

Нам кажется, что титул **господарь Рускоѣ землѣ** русских грамот Казимира III представляет собой не что иное, как кальку латинского *dominus Russiae* (ср. лат. *dominus* 1. 'хозяин', 2. 'господин'), возникшую в результате сосуществования латинской и русской канцелярий, причем русское выражение возникло необязательно в русской канцелярии Казимира III, где оно впервые засвидетельствовано, а, возможно, уже раньше, в первой половине XIV в. — в канцелярии галицко-волинских князей, откуда и перешло в канцелярскую практику при дворе Казимира III. Ввиду отсутствия подлинных русских грамот галицко-волинских князей первой половины XIV в.^{36а} наше предположение о существовании такой традиции в Галицко-Волинской Руси до присоединения ее к Польше остается недоказуемой гипотезой; тем не менее остается фактом, что титул **господарь Рускоѣ землѣ** впервые появился в среде,

³³ Ср. В. WŁODARSKI, Wołyń pod rządami Rurykowiczów i Bolesława Jerzego Trojdenowicza. Równe 1933, 42—44. [Osobne odbicie z „Rocznika Wołyńskiego”, t. III].

³⁴ 1320 г., СрезнПам 177, ср. также сб. Болеслав-Юрий II, 150—151.

³⁵ 1334 г., СрезнПам 185, ср. также сб. Болеслав-Юрий II, 153.

³⁶ См. S. SMOLKA, Kiejstut i Jagiełło: Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie, Wydział: Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny 7 (1889) 98. Цитированная грамота Ягайла издана целиком: E. RACZYŃSKI, Codex diplomaticus Lithuaniae. Vratislaviae 1845, 98.

^{36а} Грамоты галицкого князя Льва Даниловича являются подложными, на что указал еще Н. М. Карамзин (см. Н. М. Карамзин, История Государства Российского IV, Санкт-Петербург 1842—1843, 103—104, примеч. 203); более подробно о них см. М. Грушевский, Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва?, Критично-історична розвідка: Записки Наукового Товариства ім. Шевченка XLV (1902) 1—22. Несмотря на это, они продолжают издаваться как подлинные, ср. Гр XIV, №№ 1—2, 4—5, с. 9—20. — Укажем еще на одно место в этом издании, где читается *господарь*. В конце грамоты рязанского князя Олега Ивановича после 1356 г. (Гр XIV, № 15, 33) мы читаем: «аже ми дал[ъ] сть м[и]л[ост]ивъ г[о]сп[ода]рь въ от[ъ]чинѣ своен въ Переяславли». Этот текст, по мнению И. И. Срезневского, написан другим почерком, чем основная часть грамоты (СрезнПам 213); по еще более раннему свидетельству составитель АИ (I, № 2) здесь (от *далъ* до первого *въ*) был пропуск. По всей видимости, слово *господарь* (**гспрь**) попало сюда в результате произвольной интерпретации не поддающегося прочтению отрывка текста. Ср. более подходящую по смыслу интерпретацию цитированного места: «аже ми дасть г(о)с(по)дь б(о)гъ быти» въ ѿ(т)чинѣ...» (АСЭИ III, № 322, с. 351).

в которой сосуществовали славянские и латинские языковые и дипломатические традиции. На безусловно канцелярское происхождение титула *господарь* указывает и то обстоятельство, что в западно-русском *господарь* никогда не стал эквивалентом *dominus* при обращении к любому представителю знати, а сохранился для обращения к верховному владельцу (королю, великому князю и — реже — удельным князьям); как форма обращения к другим знатым лицам распространился очень рано полонизм *пань*. В украинских грамотах XIV—XV вв., изданных В. Розовым,³⁷ слово *пань* встречается несколько десятков раз, а *господинь* всего лишь один раз; слово *пані* засвидетельствовано свыше 20 случаев, а *госпожа* только раз.³⁸ Это обстоятельство приводит нас к выводу, что калька *господарь* и заимствование *пань/пані* заполнили реальный пробел в восточнославянской лексической системе, а слова *господинь/госпожа* мы должны рассматривать как элементы церковнославянского языка, т. е. как заимствования из древнеболгарского, не имевшие распространения в разговорном языке восточнославянского населения Юго-Западной Руси XIV—XV вв.³⁹

4. Для подтверждения нашей гипотезы о характере титула *господарь* в западно-русском деловом языке, мы обратимся к дипломатике совсем другой области славянского мира. Как известно, монаршеский титул *господарь* известен и в сербской дипломатике.

³⁷ Розов УкрГр (75 грамот).

³⁸ См. Я. О. Спринчак, 3 історії давньоруського слова «господа» та його похідних в українській мові: Українська мова в школі 6 (1956) 5: 67—68. По данным нового словаря староукраинского языка XIV—XV вв., слово *пань* в памятниках староукраинской письменности данного периода засвидетельствовано 10 800 раз (ССУМ 2, 125) *пані* — 111 раз (там же, 123); *господинь* зафиксировано только 45 раз (ССУМ 1, 255), *госпожа* — всего 2 раза (там же, 256). Наряду с формой *госпожа* встречается и болгарская форма *госпожда* (13 раз, все примеры из молдавских документов, см. там же, 256—257), которую в данном случае необязательно считать — вслед за составителями цитированного словаря — церковнославянизмом, поскольку в Молдавии она могла употребляться также под влиянием живого среднеболгарского языка.

³⁹ В свете приведенных выше данных нам представляется слишком оптимистическим утверждение О. Н. Турбачева о том, что можно окончательно «отвергнуть мысль о вторичном распространении слова **gospodь* из слав. в другие слав. языки» (ЭССЯ 7, 62). Нельзя упускать из виду, что др.-польск. *gospodzin* 'господь' (почти исключительно о боге, SStp II, 468—470; единственный пример употребления слова *gospodzin* в светском контексте приводится из латинской хроники ок. 1250 г., где говорится, в частности, о том, что из-за различий между славянскими языками в одних языках *dominus* называется *pan*, а в других — *gospodzin*, но не уточняется, в каких именно языках) также является, по всей вероятности, заимствованием из древнечешского *hospodin* (см. Slawski SE I, 325), которое приобрело значение 'господь (бог)' во взаимодействии со старославянским языком. По В. Ф. Марешу, в церковнославянском языке чешского извода старославянская оппозиция *господь* 'о боге' — *господинь* 'о человеке' была разрушена, поскольку в древнечешском в значении 'господин (о человеке)' употреблялось слово *pan*, и поэтому как *господь*, так и *господинь* стали относиться к богу; временное сосуществование обеих форм закончилось вытеснением формы *господь* формой *господинь* (см. В. Ф. Мареш, Стих чешско-церковнославянской песни «Господине, помилуй ны»: To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. The Hague—Paris 1967, II, 1262). Как видим, все-таки имеются веские аргументы в пользу того, что **gospodь* и **gospodинь* стали «общеславянскими» только благодаря средневековой культурной экспансии древнеболгарского.

Если рассмотреть сербские данные в хронологическом порядке, то оказывается, что отправной точкой распространения титула *господарь* в сербской дипломатике мы должны признать Дубровник, дипломатика которого в средневековье развивалась опять-таки в латино-славянском симбиозе. Слово *господарь* в сербских грамотах встречается уже с XIII в., напр., в грамоте Стефана Радослава, данной Дубровнику в 1234 г.:

(14) видѣ кралевство ми толикоу ѿдъ нихъ почеть и вѣрно послоужение, и сиѣ оучинивъ имъ и оутврьдихъ, ягоре ако ми богъ да, и боудоу господарь, како съмь былъ, да си ходе съ своими си тръги по всѣи области кралевства ми свободно.⁴⁰

Ср. также в грамоте зетского князя Георгия Бакшича, данной Дубровнику в 1373 г.:

(15) и кол [. . .] буду господарь ѿвоизи земли приморской, кога ѣ ѿколо Дубровника, да ми даю властеле дубровчки доходакъ.⁴¹

Однако случаи, когда слово *господарь* без всякого сомнения входит в официальную титулатуру князей, относятся к первой половине XV в., ср. 1436 г.:

(16) прѣде к намъ у Дубровникъ много славна и почтена племенита господа Юелена, много почтенюга и славнога господина Сандаля, великога воеводе русага босанскога, и кки много славнога свето почившаго кнеза Лазара, господара срьблемь,⁴²

или 1441 г. (Дубровник):

(17) прѣмисмо ѿдъ много славнога господина Гюрга, господара срьпской земли и к тому ниже речено благо,⁴³

а также 1450 г. (Дубровник):

(18) Ми господинь Стѣпань, божиѡмь милосту херцегъ ѿдъ светога Саве, господарь хѣмьски и приморски и велики воевода русага босаньскога, кнезь дриньски и к тому,⁴⁴

ср. также подпись и печать зетского князя Ивана Црноевича 1458 г.:

(19) Ивань цръноевикъ господарь зетски.⁴⁵

⁴⁰ MonSerb 19.

⁴¹ Там же, 184.

⁴² Там же, 386.

⁴³ Там же, 406.

⁴⁴ Там же, 441.

⁴⁵ Там же, 534.

По-видимому, из корреспонденции с Дубровником закрепляется этот титул и за турецкими султанами в их сербских грамотах,⁴⁶ ср., напр., в грамоте султана Амурата, данной Дубровнику в 1430 г. (Эдирне):

(20) Я велики господарь и велики амира султань Амурать бегъ, синь великога господара и великога амире султань Мехеметь бега.⁴⁷

В XV в. *господарь* становится постоянным элементом титулатуры турецких султанов в их сербских грамотах, соответствующим слову *pādišāh* в турецких грамотах,⁴⁸ ср., напр., в грамоте 1470 г.:

(21) гаа Али бегъ, синь кнеза Ивана Влаховика, чинегъръ и склавъ великога цара и великога господара амиръ султань Мехемедъ бега,⁴⁹

или в грамоте 1498 г.:

(22) Мило(с)тию б(о)жию азъ велики го(с)пода(р) и силни ц(а)ръ и велики амират сѣ(л)та(н) Багаази(т) ха(н) и все(м) зе(м)ла(м) прямо(р)ски(м) и рѣ(м)ске(м) [. . .] и веке ине(м) мнози(м) зе(м)лна(м) господи(н).⁵⁰

Позже, с XVI в., слово *господарь* в сербских грамотах становится титулом и других сановников турецкого государства, ср. в грамоте венгерского короля Яноша Заполи 1537 г., адресованной Мехмед-бегу:

(23) Славному и оузможному гѡсподару сръбскіѡе землѡе, саанчаку смедеревскому, белградскому [. . .], инемъ више крашнимъ градовѡмъ гѡсподару Мехмед бегу Яхіяпашику.⁵¹

Со временем слово *господар(ь)* становится обычной формой обращения в среде турецкой знати в Сербии и как таковое сохраняется некоторое время также после освобождения Сербии среди сербской знати, пока в начале

⁴⁶ Ср. в связи с этим высказывание Б. О. Унбегауна: «Почетке ове дипломатские традиције треба вероватно тражити у чињеници да је отоманска влада једноставно преузела функције и праксу српских краљевских уреда, нарочито у њиховим односима са Дубровником» (Б. О. Унбегаун, Четири писма турског султана Селима I на српском језику: *Xenia Slavica*, Papers Presented to Gojko Ružićić on the Occasion of His Seventy-fifth Birthday, 2 February 1969. Edited by R. L. LENČEK and B. O. UNBEGAUN [Slavistic Printings and Reprintings 279]. The Hague—Paris 1975, 221).

⁴⁷ MonSerb 362.

⁴⁸ См. V. Вошков, Pitanje autentičnosti fojničke ahd-name Mehmeda II iz 1463. godine: *Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine* 28—30 (1977—1979) 95, где приводятся параллельные тексты султанских грамот на сербском и турецком языках. Подробнее о соотношении сербской и турецкой дипломатики см. V. Вошков, *Odnos srpske i turske diplomatike: Jugoslovenski Istorijski Časopis* 1980, 3—4: 219—236, и цитированную там литературу.

⁴⁹ MonSerb 511.

⁵⁰ А. Р. Годинка, Отворений листь султана Баязита II. о мирѣ его съ Владиславомъ королѡмъ угорскымъ и чешскымъ р. 1498.: *Šišićev zbornik*, Zagreb 1929, 636.

⁵¹ MonSerb 553.

XIX в. Милош Обренович не запрещает его употребления по отношению к другим лицам, сохраняя право именоваться *господарем* только за самим собой (другие представители привилегированного класса могли титуловаться только словом *господин*),⁵² в чем, на наш взгляд, можно видеть влияние русского соотношения *государь* — *господин*.

У нас нет данных, которые позволили бы с достаточной долей вероятности предположить сколько-нибудь тесные контакты между (галицкой или краковской) русской и далматинской сербской канцеляриями в XIV в. (хотя возможность контактов в это — и даже в более раннее — время не исключается),⁵³ поэтому появление титула *господарь* почти одновременно в этих отдаленных друг от друга славянских областях мы должны признать результатом параллельной семантической инновации, для которой все-таки имелись сходные условия как в исходном языковом материале (наличие праславянского слова **gospodarь* 'хозяин'), так и в характере самых актуальных языковых контактов (сосуществование в обоих центрах славянской канцелярии с латинской).

5. Рассмотрим еще судьбы титула *господарь* в двух румынских княжествах — в Валахии и Молдавии, поскольку в русском языке *господарь* в качестве историзма сохраняется как раз так титул бывших валашских и молдавских воевод.⁵⁴ Валашские и молдавские грамоты сохранились со второй поло-

⁵² Ср. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, III. Zagreb 1887—1891, 304.

⁵³ Так, напр., в папской грамоте 1218 г. упоминается вклад галицких князей Василька и Ивана-Владимира в православный монастырь на реке Саве, см. В. П. Шушарин, указ. соч. 444—445; Gy. Györfy, Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jahrhundert: StSl 5 (1959) 54—58; этот монастырь просуществовал под юрисдикцией константинопольского патриарха до 1334 г. (там же, 73—74); черниговский князь Ростислав Михайлович, женатый на дочери венгерского короля Бельи IV, безуспешно претендовавший (при поддержке своего тестя) на галицкий престол, после 1246 г. получил от короля банат Мачвы (земли между реками Дунаем, Савой и Дравой; В. Т. Пашуто, указ. соч. 238); в дальнейшем он успешно вмешивался в дела соседних южно-славянских государств, распространяя свою власть на Боснию, Хум и даже на часть Болгарии (Hóman B., Szekefű Gy., указ. соч. I, 565—566). На сербско-галицкие связи может указать и факт, что в том же 1349 г., когда Казимир III покорил Галицкое княжество, сербский король Стефан Душан в отдельной грамоте объявляет о том, что он перенимает покровительство над русским монастырем на Афоне (см. П. Грицак, Галицко-Волинська держава [Наукове Товариство ім. Шевченка. Бібліотека українознавства 5]. Нью Йорк 1958, 152).

⁵⁴ Так уже в XVIII в., ср. в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» В. Н. Татищева, составленном в 1730—40-е годы: «Государь, никому кроме монарха не дается, словенское господь, но оное по обыкновению ныне дается токмо богу, а прежде было всем общее, ибо в славенском языке, кроме онаго, нет. государь мой всякому высокому и равному, господин посредственному и нижним дается предпочтение, но пишется сокращенно или под титулом за преимущество вместо господь гддь, за государь гдрь, за господин гдн; иногда называли государя господарь, но оное ныне токмо волоскому и мултанскому воеводам дается» (В. Н. Татищев, Избранные произведения. Под общей ред. С. Н. Валка. Ленинград 1979, 244). По устному сообщению Б. А. Успенского, титул *господарь* стал повторно известным в России в связи с переездом сюда в 1711 г. молдавского господаря Дмитрия Кантемира.

вины XIV в. В языковом отношении грамоты этих двух княжеств резко расходятся: валашские грамоты написаны в основном на среднеболгарском языке, а молдавские — на староукраинском.⁵⁵ Слово *господарь* не входит в официальную титулатуру валашских воевод, хотя оно изредка встречается в тексте грамот, в том числе и самых ранних. Так, напр., в жалованной грамоте воеводы Владислава монастырю в Водице 1347 г. титул воеводы звучит:

(24) †Понеже азъ, иже въ Христа Бога благовѣрныи воевода Владиславъ милостіѣ Божіѣѣ господинь всѣи Вѣгровлахіи,

ср. также подпись:

(25) †Іо Владиславъ воевода, милостіѣ Божіѣѣ господинь.

В грамоте слово *господарь* встречается в следующем контексте:

(26) Паки оустави господство ми, по съвѣту, нако по смръти кур Никодимовѣ, да нѣст ники господарь воленъ да постави на мѣстѣ томъ старѣшинѣ.⁵⁶

Среди грамот, датированных XIV в., слово *господарь* встречается еще в грамоте воеводы Мирчи Старого жупану Влькулу 1389—1400 гг.:

(27) Хто ли се покусит разорити сіе повелѣніе господства ми и записание или господарь нѣкой или болѣрин, да ест проклет ѿт ѿтца и сына и свѣтаго духа и ѿт всѣхъ свѣтихъ;

в титуле воеводы и здесь, как и во всех валашских грамотах: *господинь*.⁵⁷

В валашских грамотах слово *господарь* встречается чрезмерно редко и в XV в., ср., напр., в грамоте Влада Дракула от 2 августа 1439 г.:

(28) Кто ли дрѣзнет, макар и само господство ми или ѿт сыновъ господства ми или бѣди кои господарь иже хочет настати по моем трагу и поищет разорити сіе потвържденіе и повелѣніе господства ми [. . .];⁵⁸

⁵⁵ Ср. А. И. Яцимирский, Язык славянских грамот молдавского происхождения. Санкт-Петербург 1909 (Отдельный оттиск из «Сборника по славяноведению» III), 1; I. BOGDAN, Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden: Zbornik u slavju Vatroslava Jagića (Jagić-Festschrift). Berlin 1908, 371; С. Б. Бернштейн, Разыскания в области болгарской исторической диалектологии I, Язык валашских грамот XIV—XV веков. Москва—Ленинград 1948, 363—366.

⁵⁶ DIR—B I, № 6, с. 17.

⁵⁷ Там же, № 11, с. 30. Отметим, что неправильно читается *господарь* издателем в грамоте ок. 1390 г. того же Мирчи (названного почему-то воеводой молдавским), данной львовским купцам, в издании Гр XIV, № 52, с. 106. По помещенной рядом (с. 105) фотокопии видно, что в монограмме Мирчи должно читаться *господинь* (ср. Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография. Москва 1979, 240).

⁵⁸ DIR—B I, № 89, с. 155.

имеются лишь единичные случаи его употребления на несколько сотен сохранившихся грамот, и то не в титулатуре воевод. Это обстоятельство и заставило Д. П. Богдана считать *господарь* в валашских грамотах XIV—XV вв. сербизмом.⁵⁹

Как элемент титула *господарь* появляется в грамоте воеводы Александра 1432 г., адресованной темешварскому (совр. рум. *Timișoara*) жупану («ишпану»):

(29) **Одъ воеводе влашкога. господара, Миръчина сина, одъ Алъде воеводе**
[. . .].⁶⁰

Однако эта грамота написана по-сербски, ср. характеристику ее языка, данную С. Б. Бернштейном: «Грамота Александра написана на сербском языке с незначительными местными особенностями. [. . .] Таких грамот, как приведенная нами грамота Александра, в Брашовском архиве больше нет. В языковом отношении эта грамота, изданная Богданом под № XXX,⁶¹ не имеет аналогий. [. . .] Отличается она от других грамот Александра и важнейшими стилистическими особенностями (напр., своей вступительной частью)».⁶²

Итак, слово *господарь* никогда не закрепилось в титулатуре валашских воевод, следовательно оно не могло послужить образцом для титулатуры молдавских воевод. В самых ранних молдавских грамотах XIV в. в титулатуре воевод встречается впрочем и здесь *господинъ*, как и в валашских грамотах; титул *господарь* появляется только в самом конце XIV в. и окончательно он закрепляется лишь в XV в. при Стефане Великом.⁶³ Появление титула *господарь* в языке молдавской канцелярии румынскими историками приписывается влиянию литовской великокняжеской канцелярии.⁶⁴ На самом деле, имеются грамоты Ягайла, данные молдавским воеводам, в которых польский король и великий князь литовский титулуется *господарем*, а молдавский воевода не употребляет еще этого титула по отношению к себе, ср., напр., в грамоте Ягайла молдавскому воеводе Петру от 27 января 1388 г.:

⁵⁹ D. P. BOGDAN, In chestiunea autenticității inscripției funerare a vovodului muntean Nicolae Alexandru Basarab: *Revista Istorică Română* 3 (1933) 270—271; *ego же*, (рец. на ст.): I. MINCA, *Gospodin și gospodar: Cercetări Istorice* 8—9 (1932—1933) 214—215; *ego же*, (рец. на кн.): D. IONESCU, Contribution à la recherche des influences byzantines dans la diplomatie roumaine, Valenii-de-Munte 1934: *Revista Istorică Română* 4 (1934) 336—337. — Редкие случаи фиксации слова *господарь* в валашских грамотах XIV—XV вв. цитируются нами по указаниям, имеющимся в названных работах Д. П. Богдана.

⁶⁰ С. Б. Бернштейн, указ. соч. 129.

⁶¹ Имеется в виду издание И. Богдана: *Documente privitoare la relațiile țării Romanesti cu Brașovul și cu țara Ungurească în sec. XV și XVI. Texte slave cu traduceri, adnotațiuni istorice și introducere* [. . .] de I. BOGDAN. I, București 1905.

⁶² С. Б. Бернштейн, указ. соч. 131—132.

⁶³ V. și E. VÎRTOSU, *Titulatura domnilor și asocierea la domnie în Țara Românească și Moldova pînă în sec. al XV-lea*. București 1960, 190—193.

⁶⁴ Там же, 194, ср. указанную выше рецензию Д. П. Богдана: *Revista Istorică Română* 4 (1934) 336—337. Ср. также М. МІТУ, *Termeni de origine polonă în documentele slavo-moldovenești I. 1388—1517: Romanoslavica* 8 (1963) 182.

(30) Влодисла(в). бжею. мл(с)то кроль польски литовскиѣ. Рускиѣ дѣдичь и инѣ(х) многы(х) зѣмлѣ господарь. чинимо то свѣдо(м). оуѣмо кото- рыѣ на то(т) листо посмотрито. оже пано петр воево(д) молдавѣъ зать и приатѣль нашъ. пожичило на(м) дѣ тисѣчи рублиѣ фряжского се- ребра;⁶⁵

ср. также в ответном документе воеводы Петра от 10 февраля 1388 г.:

(31) Владиславу, Божею милостию королю Польскому, Литовскому дѣдичю и Рускому, и инѣхъ многихъ земель господарю, усердечное поклоняние отъ Петра воеводы Молдавского.⁶⁶

В грамоте 1395 г. уже и молдавский воевода титулуется *господарем*:

(32) Кгды коли кроль господарь его и нашъ Влодиславъ [. . .] пошлетъ по оного господаря Стефана.⁶⁷

Таким образом, титул *господарь* в языке молдавских грамот мы должны признать западнорусизмом, между тем как в языке валашских грамот то же самое слово представляет собой сербизм.⁶⁸

6. Возвращаясь к истории титула *господарь* в западно-русском ареале, мы хотели бы обратить внимание на тесную связь этого титула с дальнейшими судьбами Галицкой Руси. После смерти Казимира III (1370 г.) Людовик Анжуйский (венг. король: 1342—1382, польск. король: 1370—1382) передал Галицкую Русь опольскому князю Владиславу в качестве венгерского лена (1372—1378 гг.).⁶⁹ В этот период титул *господарь Рускоѣ земли* засвидетельствован в грамоте Владислава Опольского 1378 г.:

(33) бжыю мл(с)тью. Мы князь володиславъ. Опольскоѣ земли. и велунъскоѣ земли. и рускоѣ земли. господарь. и дѣдичь вѣчныи земламъ тѣмъ. самодержецъ.⁷⁰

⁶⁵ Гр XIV, № 41, с. 79; 79; АЗР № 8/1, с. 22.

⁶⁶ Гр XIV, № 42, с. 81; АЗР № 8/2, с. 22.

⁶⁷ Гр XIV, № 65, с. 125—126; АЗР I, № 11, с. 26; СрезнМат I, 563.

⁶⁸ Из более позднего времени (1566 г.) известна одна сербская грамота молдавского воеводы Александра, данная Дубровнику, в которой упоминается «херцег Стефан, кои є биъ у вриеме минуто господар земле Херцеговине а ваш бегъ, града Дубровника суседь и приятель». Грамота заканчивается так: «Александр воевода повеле господарь земли молдавской, писа Драгомир сръбинь у месту Сучаве» (MonSerb 556—557). Эта поздняя грамота интересна прежде всего тем, что здесь пересекаются две линии распространения титула *господарь* в славянских языках: титул сербского происхождения и титул западно-русского происхождения засвидетельствованы в одном и том же тексте.

⁶⁹ История Польши I. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова, Москва 1954, 121; Номан В., Szekefcű Gy., указ. соч. II, 231—233.

⁷⁰ Гр XIV, № 28, с. 59.

Ср. его титулатуру в латинских грамотах и на печатях:

(34) *Dei gratia dux opoliensis, velunensis terreque Russie dominus et heres.*⁷¹

В этот же период слово *господарь* засвидетельствовано и в титулатуре подольского князя Александра Кориатовича, ср. в жалованной грамоте смотрицкому доминиканскому монастырю от 17 марта 1375 г.:

(35) **Мы. кна(з) литовьскїи. кна(з) олезанъдро. корьатовичь. бѣєю млтью. кназь. и гдръ подольскои. земли.**⁷²

(Подолье, зависевшее ранее от Галицко-Волынского княжества, в это время — примерно с 1363 г. — было владением литовского рода Кориатовичей, вассалов Польши.)⁷³ В составлении данной грамоты, по всей вероятности, приняли участие и ее адресаты, так как грамота написана по образцу латинских грамот и полонизмы встречаются в ней даже в церковной терминологии, напр., **къ матцѣ бѣи** (ср. польск. *Matka Boska* 'Богоматерь').

После смерти Людовика и ликвидации венгерско-польской персональной унии Галицкая Русь была воссоединена с Польшей (1386 г.). Титул *господарь* унаследовал Ягайло, когда, женившись на дочери Людовика Ядвиге, в 1386 г. он стал королем Польши и великим князем литовским одновременно. Надо полагать, что закрепление этого титула за литовскими великими князьями совершилось как раз в те годы (1386—1392), когда Ягайло и практически управлял обоими государствами. Ср. уже в 1386 г. в договорной грамоте со смоленским князем Юрием Святославичем (грамота написана в Вильне):

(36) **Мы юрьи сватъславич. кнзь великии смоленьскїи даемъ ведомо. кто коли сю грамоту видить а любо слышитъ. с володиславомъ бѣєю млтью. с королем полскимъ литовьскимъ и русскимъ иных земель ѡсподаремъ. так есмь оу докончаньи. оу правдѣ,**⁷⁴

или в грамоте 1387 г.:

(37) **Владисла(в) б(о)ж(е) м(и)л(о)сти король полскїи. литовски, руски, иных земель гсдръ,**⁷⁵

⁷¹ См. М. Грушевський, *История України-Руси* IV. Львів 1903, 93 и 412—413, сн. 1—3; J. Dąbrowski, *Ostatnie lata Ludwika Wielkiego 1370—1382*. Kraków 1918, 290—291.

⁷² Гр XIV, № 24, с. 50; АЗР I, № 4, с. 21.

⁷³ См. М. Грушевський, указ. соч. IV, 70—82; А. Прохаска, *Podole lennem Korony 1352—1430: Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie* 32 (1895) 256—279.

⁷⁴ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. Москва 1963, 72.

⁷⁵ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Сост. А. Л. Хорошкевич. Вып. I. Москва 1977, № 10, с. 50. В цитированном издании: г(о)с(у)д(а)рь, однако для такого прочтения нет никаких оснований, ср. выше 2.

ср. также титулатуру Ягайла в грамотах 1388 г. (30, 31). Эта титулатура точно соответствует формуле латинских грамот Ягайла, ср., напр., в одной из грамот 1415 г.:

(38) Nos Vladislaus, Rex Poloniae ac Lithvaniae, Russiae et aliarum plurimarum terrarum Dominus.⁷⁶

Таким образом, употребление слова *господарь* в соответствии с лат. *dominus* в титулатуре литовских великих князей является одним из элементов галицкого происхождения, перешедших в деловой язык Великого княжества Литовского в результате соединения литовской канцелярии с польской при Ягайле. Такой путь распространения титула *господарь* точно совпадает с общим ходом развития западно-русского делового языка, у истоков которого мы находим как раз южно-украинский (галицкий) говор, а не, как ожидалось бы, один из белорусских говоров; черты белорусского языка берут верх в великокняжеских грамотах лишь к концу XV в. До приглашения Ягайла на польский престол литовская великокняжеская канцелярия, если она вообще существовала, находилась в зачаточной стадии развития, не имела еще устоявшихся собственных традиций, поэтому естественно, что при ее создании (или, по крайней мере, урегулировании) воспользовались опытом имеющей к этому времени уже некоторую традицию русской канцелярии при королевском дворе, в которой по известным историческим причинам преобладало южно-украинское влияние.⁷⁷ Преемственность между русской канцелярией Казимира III и Владислава Ягайла имела и то следствие, что формуляр литовских великокняжеских грамот калькирует латинские грамоты польской королевской канцелярии и не продолжает (а наоборот, постепенно вытесняет и в местном делопроизводстве) традиционный древне-русский формуляр.⁷⁸

⁷⁶ HRM Suppl. № CLXV, p. 454. О титулатуре литовских князей в латинских, немецких и русских документах до середины XV в. см. J. ADAMUS, O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń: Kwartalnik Historyczny 44 (1930) 313—332.

⁷⁷ Ср. M. RUDZIŃSKA, Charakterystyka języka urzędowego Wielkiego Księstwa Litewskiego: II Międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich), Księga referatów. Sekcja I — Językoznawstwo. Warszawa 1934, 100—104; Kuraszki 335—364; Kuraszki 5—8; Снр. S. STANG, Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen. Oslo 1935, 6—7. Ср. также рецензию В. Курашкевича на указанную книгу Х. С. Станга: Rocznik Slawistyczny 13 (1937) 39—59, где говорится: „tradycje języka kancelaryjnego białoruskiego zaczynają haliccy pisarze Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły” (с. 57). О литовской канцелярии до кривской унии см. M. KOSMAN, Kancelaria wielkiego księcia Witolda: Studia Źródłoznawcze 14 (1969) 98.

⁷⁸ На преемственность в области дипломатики между русской канцелярией Казимира III и литовской великокняжеской канцелярией указал уже А. И. Соболевский в работе 1889 г., которая, однако, осталась в рукописи до последнего времени: «Непродолжительное управление Ягелла вместе и Литвою, и Польшею и соединения при нем канцелярии литовско-русской с польско-латинскою имело своим результатом введение в западно-русские документы тех формул, которые уже употреблялись в польской канцелярии для русской Галиции. Витовт наследовал эти формулы, и мы их видим почти постоянно в его грамотах [...]» (А. И. Соболевский, История русского литературного языка. Издание подготовил А. А. Алексеев. Ленинград 1980, 71). Ср. также Снр. S. STANG, указ. соч. 132—141; *его же*, Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo 1939, 101.

7. В 1392 г. Ягайло передал власть в Литве Витовту, хотя он сохранял за собой титул великого князя и его титулатура в русских грамотах не меняется,⁷⁹ ср., напр., в грамоте 1393 г. (Переяславль):

(39) оу великого корола. оу володислава. бжъиѣ милости. полскаго. литовскаго и русскаго. и иныхъ мниги^x [sic !] земель гспдра,⁸⁰

или в грамоте 1408 г. (Сандомир):

(40) Мы Владиславъ, съ Божей милости король польскій, литовскій, рускій и иныхъ многихъ земель господарь.⁸¹

Кроме официальной титулатуры сочетание *господарь король* появляется и в нарративной части грамот как этикетная форма обращения к королю или упоминания его в соответствии с лат. *dominus rex* и польск. *pan król*, ср., напр., в грамоте луцкого епископа Ивана 1398 г.:

(41) а се азъ влдка иванъ из луцка знаемо чиню всѣмъ аже да^л ми гдръ мой великыи король митрополью галицкую хочет ми помочи на поставленье митрополитомъ а кѡли бѣ дасть стану митрополитомъ на за то слюбою и хѡчю дати оже бѣ дасть моему милому гдрю королю двѣ стѣ гривен рускихъ а тридцать кѡни безъ хитрости,⁸²

в грамоте 1404 г. (Львов):

(42) како коль та речь межи нашимъ господаремъ кролемъ Владиславомъ Полскимъ съ одной стороны, межи панею Ядвигою Отиною Пилецкою съ другое стороны [. . .] на многихъ роцѣхъ предъ нами водилась,⁸³

или в грамоте 1419 г.:

(43) аже король господарь нашъ казалъ намъ розвѣхати границу.⁸⁴

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что сочетание *господарь король* (вне официальной полной титулатуры) в западно-русском деловом — и,

⁷⁹ Несколько иначе в латинских документах, в которых со временем упрочняется титул *supremus princeps* для Ягайла, а *magnus dux* для Витовта (по отношению к Литве), см. J. ADAMUS, указ. соч. 328—329.

⁸⁰ См. KuraszkiFil 361.

⁸¹ АЮЗ I, № 10, с. 6.

⁸² Цитата дается по фотокопии (ГрXIV, с. 136; см. также Е. Ф. Карский, указ. соч. 423). В издании М. М. Пещак и здесь читается г[о]с[у]д[а]рь, г[о]с[у]д[а]рю (ГрXIV, № 73, с. 135).

⁸³ АЮЗ I, № 9, с. 5.

⁸⁴ В. Розов, указ. изд., № 49, с. 90.

по-видимому, также разговорном — языке было распространенной формой обращения к королю уже в конце XIV в. В этом отношении необходимо уточнить данные Г. Штекля, который появление этой формы обращения в западно-русском датирует серединой XV в. и видит в этом сочетании результат персональной унии Польши с Литвой.⁸⁵

Кроме элемента титула и формы обращения в западно-русских документах конца XIV — начала XV в. слово *господарь* выступает и в значении 'монарх, верховный владетель'. Это отчетливо явствует из серии присяжных грамот подвластных Литве удельных князей 1400—1401 гг.:

(44) по смерти. на^шго. го^сдра. великого. кн^а витовта. не искати ми. иных. господаревъ. мимо наше^г. милого. господара. крола. влодислава. пол^ского,⁸⁶

(45) то^г б^г не даи. што бы са стало над моимъ гд^ремъ кн^зе^м велики^м витовто^м перво ниж над королемъ. тогды по см^рти. г^дра своего. н^ѣ им^бю иного г^дра искати ниж. коро^л полского володисла^ва.⁸⁷

О том, что в западно-русском языке первой трети XV в. слово *господарь* могло применяться по отношению к любому монарху (не только к литовскому великому князю), свидетельствуют и летописные источники, в частности «Похвала Витовту». Этот панегирик, составленный или еще при жизни Витовта,⁸⁸ или вскоре после его смерти (1430 г.),⁸⁹ интересен между прочим тем, что в нем дается обзор титулов современных Витовту европейских монархов:

(46) Таину цареву таити добро есть, а дела великаго господаря поведати добро жь есть. Хочю вамъ поведати о великомъ князи Олександре Витовтѣ литовскомъ и рускомъ, иных многих земли господари. [...] Сии князь велики Витовт, бяше же ему дръжаше великое княжение Литовское и Руское, иньи многы земли, спроста реку вся Руская земля. Не токмо же Руская, но еще господарь Угорьской земли, зовемыи цесарь римский, у великой любви живяше с нимь. [...]

⁸⁵ Ср. G. STÖCKL, указ. соч. 115.

⁸⁶ ГрXIV, № 81, с. 146, ср. также фотокопию № 2 на с. 145.

⁸⁷ ГрXV, № 7, с. 34; ср. также № 6, с. 33. Грамоты изданы также в АЗР (I, №№ 17—20, с. 28—30).

⁸⁸ Ср. J. OCHMAŃSKI, Historia Litwy. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź 1982, 89, 96.

⁸⁹ По более аргументированному мнению С. Смолки, панегирик был написан ок. 1432 г. в окружении смоленского епископа, а затем митрополита Герасима, см. S. SMOLKA, Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego, Rozbiór krytyczny: Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział: Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny 8 (1890) 18—19.

Славному господарю, благоверному же и христоролюбому царю цариградскому, и тому с ним у великой любви живущу. [...] еще же господарь земли Молдовьскыи и Басарабь, по волоскому языку воеводы, такожь и господарь земли Болгарьскои, по болгарьскому языку деспоты [...] и, спроста реку, иж не обретесе во всеь Помории ни град, ни место, иж бы не прислухали славнаго того господаря Витовта. Тыи жь велиции господари, цари, велиции князи и велиции земли. [...] И коему господарю некакую нужно не мощну быти, и он вси свои рати и силы посылаше на помощь [...].⁹⁰

В немногочисленных сохранившихся подлинных русских грамотах самого Витовта обычен титул в сокращенной форме:

(47) Мл(с)тью бжью мы кнзь велики витовтъ чинимъ знаменито [...],⁹¹

(48) Мы великий кнзь витовтъ. дали есмо сюю нашу грамоту [...],⁹²

однако Витовт очень часто упоминается в источниках с титулом *господарь*:

(49) князь великий Витовтъ литовьскый, наш ѡсп(о)д(а)рь,⁹³

(50) Витовтъ, великий князь Литовский, Руский, Жомоитский. Биль намъ господару чоломъ слуга нашъ Самборъ.⁹⁴

Хотя, как нами было показано, история титула *господарь* в западно-русском начинается не с Витовта, мы должны согласиться с выводом Г. Штекля и В. Водова о том, что длительное «господарствование» Витовта в Литве (1392—1430 гг.) могло способствовать распространению его титула и в подвластных ему областях, и в смежных с ними восточно-славянских землях.⁹⁵ Это тем более понятно, что при Витовте Литва стала великой державой и Витовт вмешивался и в дела общерусские, как, напр., в дела русской церкви, а также в дела отдельных русских княжеств, остающихся вне его сюзеренитета. Еще в 1390 г. Витовт выдал замуж свою дочь Софию (1371—1453) за великого князя московского Василия I Дмитриевича, он поддерживал тесные

⁹⁰ Цитируется по Слуцкой летописи (список ок. 1524 г.): ПСРЛ 35, 75—76. Ср. также в других западнорусских летописях — там же, 58—59, 108—109.

⁹¹ ГрXV, № 8, с. 35.

⁹² ГрXV, № 9, с. 36. Ср. также другие грамоты Витовта: ГрXIV, №№ 56—57, с. 110—112, № 67, с. 128, № 78, с. 141.

⁹³ Полоцкие грамоты, указ. изд., вып. 1, № 38, с. 108.

⁹⁴ АЮЗ I, № 12, с. 7 (по списку 1592 г.)

⁹⁵ Ср. G. Stöckl, указ. соч. 115; W. Vodoň, указ. соч. 25.

контакты с Новгородом и Псковом, с тверским и рязанским княжествами. Неслучайно поэтому, что проникновение титула *господарь* в великорусские документы относится ко времени правления Витовта в Литве.

8. В связи с избранием Григория Цамблака киевским митрополитом титул Витовта попадает в соборную грамоту литовских епископов от 15 ноября 1415 г., написанную на церковнославянском языке:

(51) И тако намъ скорбящимъ о церкви и о людехъ Божьихъ, подвиже милостивый Богъ сердце великого князя Александра, зовамаго Витовта, Литовскаго и многихъ Русскихъ земель господаря.⁹⁶

При втором упоминании о Витовте он титулуется (собственно церковнославянским, по нашему убеждению) словом *господин*:

(52) Таже не толика есть Срьбьская земля, елика есть Русская, яже есть въ области господина великого князя Александра, преже реченаго Витовта.⁹⁷

Титул *осподарь* выступает и в окружной грамоте самого Витовта, в которой он мотивирует свое решение об отделении киевской митрополии от московской:

(53) а иные люди со стороны ркуть: «осподарь не в той вѣрѣ, того для церковь оскудѣла».⁹⁸

Эти документы стали известными, по всей вероятности, всей русской церковной иерархии, в том числе и великорусской, которая сохранила верность митрополиту Фотию. В связи с этим же событием константинопольский патриарх Иосиф II в 1416 г. пишет московскому митрополиту Фотию:

(54) И сего ради писалъ царь святыи къ великому князю Витовту, такоже и мы, о исправленіи вещи сіа, и надѣмся, понеже есть умный осподарь.⁹⁹

В документах сношений Витовта с великорусскими князьями только литовский великий князь титулуется словом (*г*)*осподарь*, ср., напр., в договорной грамоте Витовта с тверским великим князем Борисом Александровичем 1427 г.:

⁹⁶ АЗР I, № 24, с. 33 (по списку начала XVI в.).

⁹⁷ Там же, с. 34.

⁹⁸ АЗР I, № 25, с. 36 (по списку начала XVI в.).

⁹⁹ РИБ VI, № 40, с. 360 (по списку XVI в.).

- (55) Се назъ, князь велики Борисъ Александровичъ тѣбрьски, взалъ есмь любовь таковою с своимъ Г(о)с(поди)н(о)мъ, з дѣдомъ, великимъ кня(а)-з(е)мъ Витовтомъ литовскимъ и многихъ Русьскихъ земель господаремъ,¹⁰⁰

или в докончании Витовта с великим князем рязанским Иваном Федоровичем ок. 1430 г.:

- (56) Г(о)с(поди)ну, ѡсподарю моему, велико^М(у) кня^З(ю) Витовтоу, се назъ, кня^З(ь) велики Ива^Н Федорови^Ч рязаньскы, добилъ есми челом, да^Льса есми ему на слоужбоу, и ѡсподарь мой, кня^З(ь) велики Витовтъ, прина^Л ме^Н(а) [...] на слоужбу.¹⁰¹

Способ титулования великого князя на Литве мог стать известным великорусским князьям и их свитам также на съезде в Вильне и Троках по случаю (несостоявшейся в конце концов) коронации Витовта в 1430 г., когда, по словам западно-русского летописца, Витовт

- (57) съзваше к собѣ короля польского Владислава, князя великого московского Василия Васильевича и князя великого тѣрьского Бориса Олександровича, [...] и от великого князя Ивана рязанского, и от волоцкого воеводы послы приходили, и Одоевскыи князи сами были, и от Великого Новагорода, и от Пскова, и от ордыньскаго царя послы быша [...]. И тыи короли и велиции князи и послы быша у великого князя Витовта 7 недель на его истравѣ [...].¹⁰²

9. Первые достоверные случаи употребления слова (*г*)*осподарь* в значении 'верховный правитель' в великорусских документах, не имеющих никакого отношения к Западной Руси, обнаружены нами в договорных грамотах Василия II Васильевича с Дмитрием Шемякой 30-х гг. XV в.,¹⁰³ ср. в докончании 1434 г.:

¹⁰⁰ ДДГ № 23, с. 62.

¹⁰¹ ДДГ № 25, с. 67—68; см. также аналогичную грамоту № 26, с. 68—69.

¹⁰² ПСРЛ 35, 34.

¹⁰³ Г. Штекль указывает на духовную Кирилла Белозерского 1427 г. как на хронологически первую фиксацию титула *господарь* на великорусской территории (Г. Штекль, указ. соч. 115 со ссылкой на АИ I, № 32, с. 62). Однако, как сообщается в комментариях к современному изданию этого памятника (АСЭИ II, № 314, с. 277—279), издатели АИ пользовались не подлинником духовной Кирилла, а старым списком с нее; подлинник грамоты неизвестен. Поэтому, на наш взгляд, нельзя признать эту фиксацию абсолютно первой и безоговорочно достоверной. Титул *господарь* мог попасть в этот текст и при переписывании, так как можайские, верейские и белозерские князья также титуловались *господарями* во второй половине XV в., что подтверждается показаниями грамот, сохранившихся в подлиннике, см., напр., АСЭИ II, № 165 (ок. 1455 г.), с. 100; № 167 (1455—1470 гг.), с. 102; № 185 (1460—1470-е гг.), с. 177 и др. Титул этот употреблялся, по-видимому, и по отно-

(58) А бодро^м и дете^м бодрьски^м межи на^с волны^м вола. [. . .] А гдѣ будетъ ити наши^м рате^м, и гдѣ хто живе^т въ вашей очинѣ, хто кому служи^т, тотъ иде^т своимъ осподаре^м.¹⁰⁴

В подобном контексте выступает это слово также в грамотах 1436 г.:

(59) А гдѣ, г(о)^с(поди)не, буде^т итьти нашимъ рате^м, и гдѣ кто живе^т в наши^х ѡтчина^х, а кто кому служи^т, то^т съ свои^м ѡсподаре^м и иде^т,¹⁰⁵

и в грамотах 1441—1442 гг.:

(60) А гдѣ буде^т итьти нашы^м рате^м, и гдѣ хто живе^т в наши^х ѡтчина^х, и хто кому служи^т, то^т съ свои^м ѡсподаре^м и ѣде^т.¹⁰⁶

В подобном значении слово *господарь* отмечается в послании Василия II константинопольскому патриарху Митрофану 1441 г., в котором московский князь просит разрешение на поставление митрополитом рязанского епископа Ионы:

(61) И просимъ святѣйшее ти владычество [. . .] за неустроение и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ, и господарей умножения, свободно намъ сътворите въ нашей земли поставление митрополита.¹⁰⁷

Поставленный в митрополиты в 1448 г. Иона уже в том же году в окружной грамоте призывает жителей Московской Руси, чтобы они

(62) били челомъ своему господарю великому князю о жалованьи [. . .]. А не имете бити челомъ своему господарю великому князю, къ конечной своей погибели, а за тѣмъ кровь христіанскаа прольется.¹⁰⁸

шению к тверскому великому князю, ср. у Афанасия Никитина: «Поидох [. . .] ѡт гѣра^а своего ѡт великаго кнз^а михаила борисовича тверскаго(о)» (1466—1472 гг., по списку XVI в., см. ОбнБарх I, 228). Титул *господарь* был введен и для Новгорода во второй половине XV в. (ГВНП № 96 [1459—1469 гг.], с. 152; № 101 [1476—1477 гг.], с. 156, ср. Г. Стѣкл., указ. соч. 116; в указанном издании титулы раскрываются без оговорок и читается *государь*, что едва ли оправдано). Все это указывает на то, что (*г*)*осподарь* на первых порах своего существования в великорусских областях мог относиться отнюдь не только к московскому великому князю, и делает понятным, почему и Василий Темный, и Дмитрий Шемяка могли называться *господарями* в цитируемых нами (не учтенных Г. Штеклем) договорных грамотах, ср. (58)—(60).

¹⁰⁴ ДДГ № 34, с. 88.

¹⁰⁵ ДДГ № 35/1а, с. 91—92, ср. также 1б, с. 94, 11б, с. 97, 11б, с. 99.

¹⁰⁶ ДДГ № 38/1а, с. 109, ср. также 1б, с. 111, 1а, с. 114, 11б, с. 116. В более ранних договорных грамотах в статье подобного содержания мы находим другую формулировку: «а кто которому кнз^а(ю) слоужи^т, где бы ни жи^л, тому с тѣ^м кнзѣ^м и ѣхати, кому служи^т» (ДДГ № 14 [не ранее 1390 г.], с. 40).

¹⁰⁷ РИБ VI, № 62, с. 535.

¹⁰⁸ РИБ VI, № 64, с. 542; АИ I, № 43, с. 87.

В качестве официального титула сочетание *осподарь земли русской* в Московской Руси засвидетельствовано впервые на монетах Дмитрия Шемяки до 1447 г.,¹⁰⁹ т. е. почти на сто лет позже, чем в грамотах Казимира III (ср. 3). На монетах Василия II с конца 40-х гг. XV в. читается *осподарь всея Руси* или *осподарь всея русской земли*.¹¹⁰ Василий II называет себя *господарем* в докончании с суздальским князем Иваном Васильевичем 1448—1449 гг.:

(63) [Божи]ею м(и)л(о)стию и [пре]ч(и)стына его б(о)гом(а)т(е)ре, и по бл(а)г(о)с(ло)в(е)нию ѿ҃ца нашего Іѡны, митрополита всеа Руси, на семь на все^м, кнѧ^з(ь) Иванъ [Васил]ъевич, целуи ко мнѣ кр(е)сть, къ своему господарю, к великому кнѧзю Васи^л(ь)ю Васи^л(ь)евич(у) [...].

(64) А мене ти, свое҃г(о) ѿсподарѧ, велико҃г(о) кнѧзѧ [...] держати ч(е)стно и грозно.¹¹¹

В документах международных отношений Московской Руси при Василии II титул (*г*)*осподарь* встречается только по отношению к литовскому великому князю, как, напр., в послании Василия II греческому царю Константину Палеологу 1451—1452 гг.:

(65) [...] мы, милостию Божию, съгадавше съ своею матерью съ Великою Княгинею, и съ нашею братьею с Русскими Великими Князи и съ помѣстными князьями, и съ Литовскія земли Осподаремъ съ Великимъ Княземъ [...].¹¹²

Как показывают наши источники, в московской деловой письменности слово (*г*)*осподарь* в политическом смысле отмечается с 30-х годов XV в., а в официальную титулатуру московских великих князей оно начинает входить с конца 40-х годов XV в., правда, в начале только во внутреннем употреблении. Как показывает наш пример (65), при составлении документов внешних сношений в Москве давали себе отчет о том, что (*г*)*осподарь* — это титул литовского великого князя. Поэтому нельзя не согласиться с выводом Г. Штекля о том, что слово это было введено в титул московских великих князей по образцу литовских. Если наши выводы о происхождении титула *господарь* в западно-русском (см. 3) верны, то слово *господарь* 'верховный владетель; титул великого князя' в великорусской деловой письменности XV в. представляет собой один из ранних семантических латинизмов, проникших в

¹⁰⁹ G. АЛЕФ, указ. соч. 11—12.

¹¹⁰ Там же, 6.

¹¹¹ ДДГ № 52а, с. 155—156, ср. также № 52б, с. 157—159. Ср. G. Stöckl, указ. соч. 115.

¹¹² РИБ VI, № 71, с. 578; АИ I, № 41, с. 84 (с ошибочной датировкой); ср. G. АЛЕФ, указ. соч. 8.

формирующийся деловой язык Московской Руси посредством делового языка Западной (Литовской) Руси.

10. В связи с этим необходимо хотя бы вкратце коснуться вопроса о соотношении языка деловой письменности и церковнославянского языка в Польско-Литовском и Московском государствах. В результате крестовых войн 1386 г. Литва приняла католицизм и тем самым православная церковная иерархия в Литве не могла оказывать влияние на центральную государственную власть, поэтому и язык церкви быстро перестал воздействовать на язык государственной администрации и постепенно начал вбирать в себя элементы (прежде всего — лексические) последнего. Таким вкраплением из государственного языка следует считать и наличие титула *господарь* в приведенной выше цитате (51) из соборной грамоты православных епископов Литвы 1415 г. То обстоятельство, что в Литве православие не было государственной религией, препятствовало занятию православными высоких государственных должностей, в том числе и более значительных должностей в великокняжеской канцелярии. Высокими сановниками русского отдела канцелярии Витовта были литовские бояре, «русскими» (т. е. украинцами или белорусами) были только писари.¹¹³ (Замена названия профессии *дьяк* словом *писарь* в западно-русском — в соответствии с лат. *scriba*, польск. *pisarz* — указывает также на срыв светского, государственного делопроизводства с церковными, православными традициями.) Если в русских грамотах Казимира III обнаруживаются еще некоторые следы церковного (и тем самым церковнославянского по языку) делопроизводства, унаследованные от прежней галицко-волынской канцелярии (ср. 3), то при Ягайле и Витовте завершается процесс реориентации западно-русской дипломатики на латинские образцы, которые начинают калькироваться со всей очевидностью при посредстве польского разговорного языка, а не при помощи церковнославянского.¹¹⁴

¹¹³ М. КОСМАН, указ. соч. 111.

¹¹⁴ Предполагается и влияние чешского языка, ср. высказывание А. И. Соболевского: «Западноевропейское происхождение формул западнорусских документов замечательно, но еще замечательнее тот факт, что слова этих формул те самые, которые мы встречаем в чешских документах, как будто Западная Русь воспользовалась чешскими деловыми образцами» (А. И. Соболевский, указ. соч. 72). Чешское влияние на западнорусскую дипломатику пытался доказать Й. Мацурек в ряде работ: J. Macurek, Po stopách spisovné češtiny v jihozápadní Ukrajině koncem 14. a v 1. polovině 15. století: Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Praha 1958, 42—64; *ego же*, K dějinám česko-ukrajinských a česko-rumunských vztahů 2. pol. 14. a 1. pol. 15. století: Slovanské historické studie III, Praha 1960, 127—184; *ego же*, K otázce vztahů listiny české, ukrajinské a moldavské v druhé polovině 15. století: Sborník Prací Filosofické Fakulty Brněnské University 9 (1960) Řada historická (C) 7, 151—159. Однако чешское влияние в большинстве случаев было не прямым, а опосредствованным польским языком, ср. Л. Л. Гумецька, Чи впливала старочеська мова на мову українських грамот XIV—XV ст.?: Мовознавство 1967, 4: 92—95; S. Kosman, Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych: Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu, Filologia rosyjska 7 (1971) 69—71; *ego же*, Z zagadnień czesko-polsko-wschodniosłowiańskich związków leksykalnych: Studia Śląskie (seria nowa) 26 (1974) 145—147; Kochman PRS 13—16.

В отличие от Литвы, в Москве центральное государственное (великокняжеское) и церковное (митрополичье) делопроизводство развивалось в тесной взаимосвязи,¹¹⁵ что и обеспечило сохранение церковнославянских элементов в формуляре грамот. О влиянии митрополичьей канцелярии на великокняжескую свидетельствует и заимствование московскими великими князьями элемента титула **всеа Руси** из титулатуры киевских митрополитов.¹¹⁶ В связи с этим возникает вопрос: как могло совместиться церковнославянизм **всеа Руси** с западнорусизмом *господарь* в составе титула Василия II уже в конце 40-х годов XV в.,¹¹⁷ когда (*г*)*господарь* в этом значении было еще относительно новым заимствованием?

В этом отношении заслуживает серьезного внимания наблюдение Г. Штекля, согласно которому в большинстве ранних случаев употребления титула (*г*)*господарь* как обращения к московским великим князьям его употребляют представители высшего духовенства.¹¹⁸ Если не считать духовной Кирилла Белозерского 1427 г.,¹¹⁹ а также ранние фиксации 30-х — начала 40-х гг., где слово *господарь* употреблено вне титула (58—61), то на самом деле оказывается, что в распространении этого титула большую роль сыграла митрополичья канцелярия [ср. (62); отметим, что цитаты (63—64) взяты из грамоты, оформленной при участии митрополита Ионы, ср. (63)]. Если — вслед за Г. Штеклем — принять, что инициатива по введению титула *господарь* в Москве принадлежала церковной иерархии, то становится понятным, что слово *господарь* в своем новом значении могло восприниматься здесь как принадлежность церковнославянского языка, т. е. западно-русское по своему происхождению слово в великорусском превратилось в функциональный церковнославянизм.

11. В документах, вышедших из канцелярии митрополита Ионы, слово *господарь* не является изолированным заимствованием из западно-русского даже в области великокняжеской титулатуры. В его грамотах засвидетельствован впервые и элемент титула *отчичь и дѣдичь* 'наследник':

(66) Благословеніе Іоны Митрополита всея Руси, во отчину Великого Государя Русьскаго, а нашего господина и о Святѣмъ Дусѣ возлюбленого сына нашего смѣреніа, благороднаго и благовѣрнаго Великого Князя Василю Васильевича, а вашего, нашихъ дѣтей, отчичя и дѣдичя, по родству, великого его господства дръжаву, по изначалству прежнихъ Великихъ Господарей Великихъ князей Русскихъ, а его праотець, въ Псковь [. . .];

¹¹⁵ См. В. А. Водов, указ. соч., 342—344.

¹¹⁶ Г. АЛЕФ, указ. соч. 6.

¹¹⁷ Там же, ср. выше (сн. 110).

¹¹⁸ Г. ШТЁКЛ, указ. соч. 115.

¹¹⁹ О причинах осторожности по отношению к этой грамоте см. выше, сн. 103.

(67) А что есте, сынове, присылали къ Великому Господарю, а къ нашему сыну, къ своему отчичю и дѣдичу, къ Великому Князю [. . .].¹²⁰

Слово *дѣдичь* (< польск. *dziedzic*) в западно-русских грамотах встречается уже со второй половины XIV в., ср. (30—31), (33), где в составе титула употребляется в соответствии с лат. *heres*. *Отчичь* (ср. польск. *ośczug*) появляется в западно-русских памятниках несколько позже (в самом начале XV в.), сочетание *отчичь и дѣдичь* засвидетельствовано в грамотах с 1433 г.¹²¹ В документах внешних сношений Московского государства сочетание *отчичь и дѣдичь* в качестве элемента титула московского великого князя закрепляется при Иване III,¹²² и употребляется еще и в XVII в.¹²³

Западно-русское влияние на язык канцелярии митрополита Ионы объясняется, по-видимому, активной деятельностью московской церковной дипломатии, направленной на признание Ионы правомерным митрополитом «всяя

¹²⁰ АИ I, № 60 (1455—1461 гг., по списку XVI в.), с. 107.

¹²¹ Слово *дѣдичь* встречается в Летописи по Ипатьевскому списку (XV в.) под 1190 г. (т. е. в той части рукописи, которая содержит Киевский летописный свод) при описании галицких событий: «Галичкий же моужи срѣтоша его [Володимира Ярославича] с радостю великую. князѣ своего и дѣдича. а королевича [Андрея, сына венгерского короля Бельи III] прогнаша. изъ земля своего. а Володимѣрь сѣде. на столѣ дѣда своего и шца своего» (ПСРЛ 2, 666—667; ср. СрезнМат I, 782—783). Укажем, что в этой летописи под тем же годом встречается и другой полонизм: *статок* (с. 669; ср. СрезнМат III, 509); об этом слове см. нашу заметку: А. Золтан, Об одном западнорусизме в великорусском деловом языке XV—XVII вв. (*статок/статки*): *Russica, In memoriam E. Balczyky*. Budapest 1983, 31—40. Слово *дѣдичь* рассматривается как полонизм также в старобелорусском, см. Булыка 89. — Слово *отчичь* засвидетельствовано также в Летописи по Ипатьевскому списку (в части, содержащей Галицко-Волынскую летопись) под 1208 г.: «наидоша Данила во Оугорской землѣ. дѣтѣска соуца. и просиша оу корола Оугорского даи намъ штича Галичу Данила» (ПСРЛ 2, 724; ср. СрезнМат II, 832). А. И. Генсѣрский рассматривает это слово как заимствование из древнепольского *ośczug*, *ojezug*, см. А. И. Генсѣрский, Галицко-Волинський літопис (Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ 1961, 191. Однако ввиду слабой засвидетельствованности др.-польск. *ośczug* (ср. SStp V, 547; с 1443 г., все четыре примера из львовских актов, в которых данное слово — в написании *ośczug*, *oścziczowye* — glossирует лат. *heres*) нельзя исключить и возможности обратного пути заимствования. В таком случае тавтологическое сочетание *отчичь и дѣдичь* в западно-русском можно было бы истолковать как сочетание, возникшее первоначально в результате glossирующей синоними, т. е. толкования заимствованного из польского слова *дѣдичь* 'наследник' посредством собственно староукраинского синонима *отчичь*. Ранние примеры употребления сочетания *отчичь и дѣдичь* см. ССУМ I, 336; 2, 112—113; см. также в рассказе о Подольской земле, включенной в состав западно-русских летописей: «А то си три брата, татарския князи, *отчичи и дѣдчи* Подольской земли» (ПСРЛ 35, 66; ср. также 138, 160). В польском переводе XVI в. на соответствующем месте читается: „А ezi trzej bracia tatarskie, *ojeziczzi bili i dziedice* ziemie Podolskiej” (там же, 186), из чего явствует, что слово *отчичь* западно-русского оригинала было перенято в польский текст с конечным -ѣ. Возможно впрочем, что и в примерах старопольского словаря (см. выше) следует читать не *ośczug*, а *ośczucz*. Существование варианта *ojezycz* в старой польской письменности подтверждается также словарем Линде (S. B. LINDE, Słownik języka polskiego, III. Warszawa 1951, 525).

¹²² См. F. KONECZNY, Geneza uroszezeń Iwana III do Rusi Litewskiej: *Ateneum Wileńskie* 3 (1925—1926) 211—212.

¹²³ Ср. отчет о протесте русских послов у французских властей в 1667 г., вызванном тем, что в тексте грамоты, приготовленной французской стороной, «самые высокие титулы прописаны: „самодержца, отчича, и дедича, и наследника, и государя и обладателя” у той грамоты на подписи не написано» (Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Москва—Ленинград 1954, 288).

Руси» со стороны Казимира IV (до 1451 г. в западно-русской православной церкви митрополитом продолжали считать Исидора, прогнанного из Москвы в 1441 г. из-за соглашения на унию на ферраро-флорентийском соборе). Иона искал сторонников для себя среди православных магнатов в Литве, обращается с посланием к киевскому удельному князю Александру (Олелько) Владимировичу (женатому на дочери Василия Дмитриевича Анастасии). К этой грамоте относится хронологически первая известная нам фиксация деривата *господарство*:

(68) понеже, сыну, и ты самъ добръ вѣси, еже въ тогдашня я времена было господарство отъ того православнаго самодержьца всея рускыя земля Владимирера на Кіевѣ; а поставленіе было на Кіевѣ на рускую землю митрополитомъ, не токмо, якоже нынѣшняго ради еже въ Цариградѣ церковнаго неустроенія, но токмо еже въ господарствѣхъ рускыхъ господарей съ цариградскими цари негладости ради.¹²⁴

Отметим, что адресат этой грамоты титуловался следующим образом (в жалованной грамоте митрополиту Исидору 1441 г.):

(69) Се назъ, кн(я)зь Александръ Володимерович, гдѣр ѡтчичь Кіевьскыи.¹²⁵

В 1451 г. Казимир IV «полюбил себе отцом митрополитом Иону» и подчинил ему западно-русские епархии (за исключением галицкой, которая оставалась номинально под управлением Исидора).¹²⁶ С этим событием связан

¹²⁴ РИБ VI, № 66 (прежде 31 января 1451 г.), с. 560—561.

¹²⁵ По списку начала XVI в., см. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Издание подготовил Я. Н. Шапов. Москва 1976, 180; в цитированном издании — г(о)с(у)д(а)рѣ. Начиная с 40-х гг. XV в. — в связи с восстановлением некоторых удельных княжеств в Великом княжестве Литовском — начинают титуловаться «господарями» кроме великого князя также удельные, ср. также в грамоте Свидригайла 1445 г.: **мы князь швитригаило гдѣр. подолскои зми**, см. KuraszkJęz 134—135. В 1440 г. в Смоленске временно захватил власть мстиславский князь Юрий Лингвенович и начал титуловаться «господарем Смоленским» (см. J. NATANSON-LENSKI, Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej I, Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej: Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego I, Łwów—Warszawa 1922, 3: 44.). Позже, в 60-е годы, титул этот встречается как обращение к князю Ивану Васильевичу Острожскому: **А па(н) добрыша мжорови(ч) мѣсти(ч) ѡстр(о)зкіи [. . .] еси тое своє имѣнье [. . .] прода(л) ѡсподарю своему князю ивану василеви(ч) ѡстрозко(м)** — Гр XV, № 13 (1464 г.), с. 41. — Отметим, что как Александр-Олелько, так и Свидригайло посредничали между Ионой и Казимиром IV, благоприятное для Ионы решение короля в значительной степени обязано их ходатайству (см. О. НАЛЕСКИ, Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków 1915, 92).

¹²⁶ См. настольную грамоту Казимира IV митрополиту Ионе от 31 января 1451 г.: РИБ VI, № 67, с. 563—566. — О причинах разделения русской церкви на западнорусскую и восточнорусскую митрополии и вообще по истории русской православной церкви в данный период см., напр. (с разных точек зрения): Макарий (М. П. Булгаков), История русской церкви VI, Санкт-Петербург 1870; Е. Е. Голубинский, История русской церкви II/2. Москва 1911, 7—11; М. Грушевський, История України-Руси V/2, Львів 1905, 385—422; J. PELESZ, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom I. Würzburg—Wien 1881; H. PASZKIEWICZ, Jagiellonowie a Moskwa I. Warszawa 1933, 315—325; K. CHODYŃSKI, Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska, Zarys historyczny 1370—1632. Warszawa 1934, 50—63.

ряд документов, вышедших из канцелярии Ионы и адресованных государственным и церковным деятелям в Литве. В грамоте к королю западнорусизмов мало, Иона титулует Казимира, естественно, *великим господарем*, кроме этого отметим лишь форму *княжату (прускому)* в официальной титулатуре короля¹²⁷ (ср. зап.-русск. *княжа* 'князь' под влиянием польск. *książe* 'князь'),¹²⁸ в посольских речах встречается и *господарь*, и *господарство*:

(70) великий господарь, великий король [. . .] хотѣль еси въ другомъ своемъ богомоліи и господарствѣ, галичской митрополіи, Божіи церкви и дома церковныи [. . .] къ святѣй Софьи и кievьскому столу отдати по старинѣ, и велѣль еси намъ себя обослати туту, въ томъ въ своемъ господарствѣ: и ты бы, великий господарь, пожаловаль [. . .].¹²⁹

В посланной одновременно с этим посольством грамоте пану Михайлу Кези-гайловичу наряду с лексическими западнорусизмами встречается и западно-русская синтаксическая конструкция *до + род. п.* вместо *к + дат. п.*:

(71) А нынѣ, сыну, послали есмо до великого господаря, своего сына, великого короля, и до васъ, до великихъ пановъ, о тѣхъ же церковныхъ дѣлѣхъ.¹³⁰

Можно предположить, что эта грамота (сохранившаяся в московском списке начала XVI в.) была написана вообще на западно-русском языке.

Западнорусизмами пестрят и другие грамоты Ионы, связанные с делами православной церкви в Литве. В документах 1451 г. о назначении митрополитских наместников для Киева и для Литвы Иона обращается к православному населению:

(72) Вы же [. . .] князи и панове, и архимондриты и протопопове, и игумены и мѣстичи [. . .]. А также сынове, благословляю васъ всѣхъ *посполно*, чтобы тѣтъ нашъ намѣстникъ въ *доходѣхъ* и въ пошлинахъ церковныхъ ни отъ кого не обиженъ былъ.¹³¹

Документы эти названы впрочем *листами*:

(73) Данъ *листъ* сій въ Новѣгородку.¹³²

¹²⁷ РИБ VI, № 68/1, с. 566—567; ср. СрезнМат I, 563.

¹²⁸ Ср. N. DAMERAU, *Russisches und Westrussisches bei Kurbskij*. Berlin 1963, 72.

¹²⁹ РИБ VI, № 68/III, с. 570.

¹³⁰ РИБ VI, № 68/II, с. 568.

¹³¹ РИБ VI, № 69, с. 572. О слове *мѣстичь* 'мещанин' см. нашу заметку: А. Золтан, О старорусском *мѣстичь*: StSl 23 (1977) 161—163; *посполно* 'совместно', ср. ст.-укр. *посполно* 'то же' (ССУМ 2, 205), др.-польск. *pospólnie* 'то же' (SSStp. VI, 444—445). Вопрос о западно-русском происхождении русск. *доход*, насколько нам известно, еще не ставился в научной литературе, однако история и география распространения слова в восточно-славянском однозначно указывает на то, что в великорусском оно было заимствовано из западно-русского. К этому вопросу мы вернемся в отдельной статье.

¹³² РИБ VI, № 69, с. 572.

Западнорусизмы проникают и в грамоты Ионы, адресованные в великорусские области. Так, напр., в послании верейскому князю Михаилу Андреевичу, которого впрочем Иона тоже титулует «великим господарем», мы читаем:

- (74) А вѣдомо тобѣ, моему сыну, и се, что князь великий былъ Витовтъ, также и нынѣ король, великіе *господаре*ве, будучи и не нашаея вѣры, также и княжата и панове тое вѣры [. . .] какую великую честь держать.¹³³

Здесь сохранение западнорусизмов обусловлено контекстом: верейскому князю ставится в пример отношение неправославных литовских князей и магнатов к православной церкви. Однако есть и случаи, когда западнорусизмы употребляются вне западно-русского контекста, как, напр., в послании в Вятку:

- (75) *зався* своему господарю, великому князю, грубите и приставаете к его недругу,¹³⁴

- (75a) наимовати на то на злое и богоненавистное дѣло [. . .] *зброднеи*, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ челоуѣкъ.^{134a}

Знаменательно, что западнорусизмы встречаются и в грамотах митрополита Ионы, адресованных в Казань:

- (76) **Иона, митрополитъ Киевскыи всеа Роус(и),** достоинѣю честь великому ти господарьству симъ наши^М писаниемъ послали есмо, слыша, что же вышна^Г(о) б(о)га силоу держишь свое господарьство, всимъ кѣпцемъ нашимъ и ины^Х земель кѣпцемъ щкоты и убытковъ нѣтъ никто-ры^Х ни ѿ^Т кого [. . .]. И на то надѣна^С(ь) послали есмо до Казани сего своего слѣгоу Агафона.¹³⁵

¹³³ РИБ VI, № 70 (ок. 1451 г.), с. 574.

¹³⁴ РИБ VI, № 73 (ок. 1452 г.), с. 591. *Зався, завсе* (81) 'всегда' (ССЯ 5, 160), ср. ст.-укр. *завсе* (ССУМ 1, 372), польск. *zawsze* 'то же'.

^{134a} РИБ VI, № 65 (1448—1458 гг.), с. 549; ср. СрезнМат III, 653 (s. v. *сѣбродень*). И. И. Срезневским толкуется как 'сброд'; ср., однако, ст.-блр. *збродень* 'преступник' < др.-польск. *zbrodzień* 'то же' (Булыка 118); о др.-польск. *zbrodzień* (совр. польск. *zbrodniarz*, 'преступник') см. А. ВРѢСКНЕР, *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa 1970 648; S. РЕСЗЕК, *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław—Warszawa—Kraków 1968, 636.

¹³⁵ АСЭИ III, № 10 (ок. 1455—1456 гг., по списку ок. 1535 г.), с. 26. О слове *щкота*, *щкота*, *щкода* < польск. *szkoda* см. ССУМ 2, 559—560; А. М. Булыка, указ. соч., 364; Тамань 123; S. C. GARDINER, *German Loanwords in Russian 1550—1690*. Oxford 1965, 242; Kochman PKJ 145. — Обращение в форме *великому ти господарьству* соответствует южнославянским формам типа *господство ми*, *кравество ми*, ср. в цитированных выше сербских и валашских грамотах (14), (26—28).

(77) Послалъ есмо до Казани сего своего слѣгѣ Агафона [. . .] ѿ цемъ бѣде^Г томѣ нашемѣ ч(е)л(ове)ку надобѣ [. . .] до волна^Г(о) ц(а)рѣ достѣпнѣ, и ты бы [. . .] ѿ томъ наше^М ч(е)л(ове)цѣ печаловалсѣ [. . .] чтобы то^Г нашъ ч(е)л(ове)къ и до на^С приѣха^Л доброволно и безъоубыточно.¹³⁶

Все эти примеры указывают на то, что в канцелярии митрополита Ионы были выходцы из Литвы, которые знали западно-русский деловой язык, и им-то и поручалось составление грамот, адресованных в Литву и, может быть, не только в Литву, а вообще за пределы Московского государства. Отдельные западно-русские слова проникают и в грамоты, адресованные в великорусские области, что свидетельствует о влиянии выходцев из Литвы также на внутреннее делопроизводство. Имея в виду тесную связь между митрополичьей и великокняжеской канцеляриями, становится вполне вероятным, что в середине XV в. западно-русский деловой язык мог оказать влияние на великорусский деловой язык также посредством церковного делопроизводства.¹³⁷

12. Если слова западно-русского происхождения, указанные в предыдущей главе, относятся к лексике светской жизни, то в грамотах Ионы после 1458 г. засвидетельствован довольно обширный пласт западнорусизмов, связанных с церковной жизнью. В 1458 г. Казимир IV, как написал позже Иван III, «чрезъ свой листъ» поставил киевским митрополитом «Исидорова ученика» Григория. Сэтим событием связана снова оживленная корреспонденция Ионы с западно-русскими епископами и православными магнатами. В этой корреспонденции, с одной стороны, оживает западно-русская лексика, известная в Москве уже из произведений о флорентийском соборе, а с другой — появляются новые заимствования из западно-русского.

В 1459 г. восточно-русские епископы пишут западно-русским:

(78) и тотъ Григорей не истинный митрополить, но ложный, носить съ собою листы папины [. . .] а въ тѣхъ листѣхъ пишетъ на осподина нашего Юону, митрополита кievьскаго и всея Руси, а именуеть его отщепенцемъ и отступникомъ.¹³⁸

Слово *отщепенец* (< польск. *odszczępieniec*)¹³⁹ свидетельствует о том, что «папины листы» стали известными в Москве в западно-русском переводе.

¹³⁶ АСЭИ III, №11 (дата как выше), с. 27. О слове *доступнѣ* см. Тамань 99—101.

¹³⁷ Так напр., упомянутое выше (сн. 121) слово *статок* 'движимое имущество, домашние вещи' в московской деловой письменности впервые засвидетельствовано в договоре Василия II с Казимиром IV 1449 г. (ДДГ № 53, с. 162), а потом — в одной из жалованных грамот Василия II митрополиту Ионе 1448—1461 гг. (АФЗХ I, № 116, с. 108).

¹³⁸ РИБ VI, № 84, с. 633.

¹³⁹ О слове *отщепенец* на восточнославянской почве см. В. В. Виноградов, Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков): Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ, 1947, вып. 3, 7—12; М. Г. Булаху, Нататкі па гісторыі лексікі: Беларуская мова (Даследаванні па лексікалогіі). Галоўны рэд. М. Р. Суднік. Мінск 1965, 47—48; КОСМАН PRS 15.

Один из этих переводов — грамоты папы Пиуса II Казимиру IV — сохранился в составе Софийской II летописи (список XVI в.); в западно-русском тексте на замом деле Иона назван «отщепенцем»:

- (79) которые стороны через *отщепенца* и противника и тежъ злочестиваго сына Иону черныца, который же учинился архіепископомъ Рускимъ [. . .]; а не припустилъ бы того Ионы *отщепенца*.¹⁴⁰

В окружном послании Ионы литовским епископам 1458—1459 гг. мы читаем, что Константинопольский (униатский) патриарх Григорий Маммас

- (80) всю свою ересь обнажилъ есть, якоже и свидѣтельствуют нынѣшня самая его писанія, еже пишетъ сице: «Григорій, милостию Божіею *арцибискупъ* коньстянтиноградскій» [. . .]. Который господинъ нашъ преже бывшій патриархъ коньстянтинаградскій себе именоваль «арцибискупомъ костьянтиноградцкімъ»?¹⁴¹

Негодование Ионы вызывает употребление западно-русского слова *арцибискуп* (< польск. *arcybiskup*) по отношению к главе православной церкви, само слово *арцибискуп* употребляется и в памятниках флорентийского цикла, но всегда только по отношению к католическим архиепископам.¹⁴² По-видимому, и здесь цитируется западно-русский перевод, который, однако, не сохранился.¹⁴³ В послании 1459 г. литовским

- (81) княземъ, и честнымъ *паномъ* и бояромъ [. . .], желая *завсе* [и] прося у Бога, еже ми быти у васъ,

Иона подробнее останавливается на отступничестве Исидора:

- (82) Да тогды же, слышимъ, какъ пришелъ въ Ригу, и стрѣтили его съ кресты наше великое православіе, держа честь пошлую святительскую, а *капланове* отъ своей божницы стрѣтили по своему, съ своими *крыжи*.¹⁴⁴

¹⁴⁰ ПСРЛ 6, 168; ср. в латинском тексте: „ . . . partibus, que per *scismaticum* et rebellem ac iniquitatis filium Ionam monachum se pro archiepiscopo Russie totius gerentem occupantur [. . .], non permittas eundem Iohannem [sic!] *scismaticum* [. . .]”. Латинский текст грамоты издан А. Прохаской: А. ПРОХАСКА, Nieznane dokumenta do unji florenckiej w Polsce: Ateneum Wileńskie 1 (1923) 68—69.

¹⁴¹ РИБ VI, № 81, с. 622.

¹⁴² Ср. напр., *латыньскихъ земель арцибискупи* [sic!] и *бискупи*; *арцибискупи* и *бискупи* *Латыньстии* (ПСРЛ 25, 254); [папа] съ *арцибискупы* и *бискупы* *своими* (там же, 257). О слове *арцибискуп* см. LEEMING 36.

¹⁴³ Ср. письмо Григория Маммаса Казимиру IV от 20 ноября 1458 г., в котором патриарх титулуется следующим образом: „Gregorius miseracione divina archiepiscopus Constantinopolitanus nove Rome et universalis patriarcha” (А. ПРОХАСКА, Nieznane dokumenta, 71—72).

¹⁴⁴ РИБ, VI, № 85, с. 633. О словах *каплан*, *крыж* см. LEEMING 64, 69.

- (83) да тогды жь явное свое отступление показавъ, именуя себе и пиша *лекгатосомъ* и называяся *кгардиналомъ* [. . .] да отъ того времени повсюду учаль литургисати въ хоромъхъ, на *столицѣ* [. . .], и *папезевъ* имя началъ былъ поминати въ святѣй нашей апостольской церкви.¹⁴⁵

Большинство выделенных слов (за исключением слова *столец* 'престол') за- свидетельствовано и в памятниках флорентийского цикла, обращает на себя внимание сохранение графического западнорусизма *кг* в написании слов *лекгатос*, *кгардинал*.¹⁴⁶

В письме к смоленскому епископу Мисаилу Иона пишет о том же:

- (84) Нынѣ пакъ, какъ слышимъ, пришлоъ туто къ вамъ въ *литовское осподарство* отъ римскіе церкви ученикъ и единомысленикъ того отступника, Исидоровъ, Григорей и именуеть себя митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Руси, съ *папезскими листы*,

сообщая, что

- (85) нынѣ отъ короля къ великому князю о томъ отступникѣ о Григорѣѣ Якубъ *писарь* да Ивашенецъ пріѣздили посольствомъ.¹⁴⁷

Приведенные тексты свидетельствуют об оживленном культурном обмене между Западной и Московской Русью в середине XV в., в результате которого в деловой язык Московского государства уже в этот ранний период проникло совсем показательное число западнорусских лексических элементов. Не все из приведенных слов стали общеупотребительными в великорусском. Тем не менее они помогают понять те историко-языковые условия, в которых

¹⁴⁵ РИБ VI, № 85, с. 637.

¹⁴⁶ Слово *папез* в XV в. является новым заимствованием через западно-русское посредство из польск. *parcież*, а не прямым продолжением цсл. моравизма *папезь*, известного в цсл. памятниках русской редакции с XI в., ср. ЛЕЕМING 86. Слово *кардинал* ~ *кардинал* заимствовано, возможно, прямо из итальянского (ЛЕЕМING 65), но написание с *кг*- в данном случае свидетельствует о западно-русском фильтре. Слово *лекгатос* восходит к новой (полученной от папы) титулатуре *Исидора*, ср. в его грамоте, включенной также в московские летописи: «Исидоръ милостью божьею преосвященный архиепископъ Кіевскыи и всея Руси, *лекгатосъ* и от ребра апостольского седалища Лятскаго и Литовского и Немецкого» (ПСРЛ 25, 258; ср. также ПСРЛ 6, 159); *лекгатос* < лат. *legatus* 'посол' с греческим окончанием, весь титул является калькой лат. *legatus a latere sedis apostolicae*. Слово *столец* 'престол; столица' зафиксировано в настольной грамоте Казимира IV Ионе от 31 января 1451 г.: «И дали есмо ему *столецъ* митрополичь кіевскыи и всея Руси» (РИБ VI, № 67, с. 564—565). Ср. также в другой грамоте Ионы в Западную Русь (1458 г.): «Благо-словеніе Ионы [. . .] нареченному въ настоятельство того священного *столицы*, старцу Калісту» (РИБ VI, № 79, с. 613). Ср. ст.-укр., ст.-блр. *столиць* (ССУМ 2, 388—389; А. М. Булька, указ. соч., 308), др.-польск. *stolec* 'престол; столица' (см. КОСЧМАН PRS 129—130).

¹⁴⁷ РИБ VI, № 88, (1460/1461 гг.), с. 662. О слове *лист* 'грамота' см. Тамань 115—116; S. КОСЧМАН, Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI—XVIII w., 1) *gramota*, 2) *list*: Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu, Filologia Rosyjska 16 (1978) 73—86; о слове *писарь* 'дьяк' см. КОСЧМАН KD II, 72—73.

осуществилось заимствование таких важных терминов, как *господарь* и *господарство*, переоформленных позже уже на великорусской почве в *государь* и *государство*.

13. Поскольку мы работаем преимущественно с изданными памятниками, то весьма затруднительно установить, когда и в каких условиях произошла замена формы *господарь* формой *государь*. Суверенностью можно лишь сказать, что слово это до конца XV в. употреблялось исключительно в форме (*г*)*осподарь*, о чем свидетельствует множество несокращенных написаний в актовом материале, а также в летописях.¹⁴⁸ С конца XV в. устанавливается сокращенное написание слова в виде *гдрь*, которое издателями текстов раскрывается как *государь*. Этот издательский прием привел в заблуждение и Г. Штекля, который пришел к выводу, что «около 1492 г. довольно резко прекращается употребление формы *господарь* в московских канцеляриях и с тех пор *государь* становится единственным, постоянно употребляемым обращением к московскому великому князю».¹⁴⁹ Из сказанного выше вытекает, что речь идет просто о распространении сокращенного написания слова, и это свидетельствует лишь о приспособлении его к сокращенному написанию однокоренных церковнославянских слов *гдѣ*, *гнѣ*, в чем можно видеть проявление графической адаптации слова к церковнославянской графической системе. В тех немногочисленных случаях, когда слово пишется без титла, и в XVI в. мы встречаем еще *господарь*. Так напр., в надписи на печати великого князя Василия Ивановича титул пишется следующим образом:

(86) Великий кн(я)зь Василии б(о)жиею милостию господарь всеа Руси.¹⁵⁰

В духовной П. М. Плещеева 1510 г. — наряду с написанием *гдрь* встречается и форма *осподарь*:

¹⁴⁸ Ср. *шпѡд(а)рю* — ДДГ № 8а (ок. 1486 г.), с. 305, *шп(о)д(а)рю* — № 80 б, с. 305, *шпѡд(а)рь* — № 86 (1499 г.), с. 347—348 (3х), *господарь* — № 87 (ок. 1503 г.), с. 350; *шпѡдарем* — АСЭИ I, № 271 (1455—1466 г.), с. 195, *шпѡдарѣ* — № 340 (1464—1478 гг.), с. 248, № 523 (1485—1490 гг.), с. 400, № 542 (1489—1503 гг.), с. 421; *осподарь*, *осподарю*, *осподаря* — ПДКр I, № 1 (1474 г.), с. 3—4, *осподарю* — № 12 (1485 г.), с. 44, *осподарь* — с. 45, *осподарь*, *осподарьствие* — № 20 (1487), с. 72, *осподаря* — с. 74, № 21 (1489 г.), с. 76, *господарь* — с. 77; *осподара* — ПДП I, № 2 (1488), с. 9, *господарь* — с. 13; *господарьству* — № 15 (1492 г.), с. 58, *осподарьству* — № 22 (1493 г.), с. 104 и т. д. Из летописных источников см., напр., во Псковской 2-й летописи (список конца XV в.) — 1441 г.: не хотяще послушати ся своего *осподаря* (ПсковЛет 2, 46), 1460 г.: чтобы ты, *господарь*, поборонил свою отчину пскович от поганых Немець (51), 1480 г.: и сами *господари* великий князи о семь вѣсте, может ли един рабъ двѣма *господарема* работати; по еуангельскому словеси, ли единого възлюбит, а о друземъ нерадити начнет; тако и мы не хоцемъ двема работати, но хоцемъ единого *осподаря* держати ся великого князя Ивана Васильевича (61; этот пример интересен как случай употребления в одном контексте слова в старом значении 'хозяин, владелец раба' и в новом — в качестве великокняжеского титула); 1486 г.: как намъ *господарь* укажет (69).

¹⁴⁹ G. Stöckl, указ. соч., 115.

¹⁵⁰ АРГ № 34 (1507 г.), с. 40; см. также № 23 (1506—1507 гг.), с. 32; № 193 (1521 г.), с. 193.

(87) Да что мя пожаловал осподарь княз(ь) Юрьи Иванович своими д(е)р(е)-
внями [. . .].¹⁵¹

На монетах Ивана Грозного слово фигурирует все еще в форме *осподарь*:

(88) Кнзъ велікі Иван Васілевіч ѿсподарь всеѧ Роуси.¹⁵²

По свидетельству иностранцев, в конце XVI — начале XVII в. форма *господарь* была еще в употреблении: фон Штаден во второй половине XVI в. пишет *haspodar*,¹⁵³ Флетчер (1591 г.) — *hospodare*,¹⁵⁴ Маржерет (1607 г.) — *hospodar*, *ospodar*,¹⁵⁵ Фенне (1607 г.) — *aspodar*, *aspodarschoi*¹⁵⁶ и *gospodar*.¹⁵⁷ Однако в словаре Соважа 1586 г. наряду с формами *асподаре*, *аспадарыня* встречается уже и *асударь*,¹⁵⁸ правда, не в составе царского титула, а только в качестве вежливого обращения. В лингвистических изданиях русских текстов, написанных русскими, форма *государь* нам встретилась впервые в переводе письма с вестями из Дании 1645 г., в котором говорится о датском короле:

(89) а онъ еще молодои госѣдар.¹⁵⁹

Слово *госѣдар* и здесь написано впрочем после зачеркнутых букв *гд*, т. е. переводчик и здесь сначала хотел написать *гдрь*.¹⁶⁰ Отметим, что в этих текстах засвидетельствована и форма *господарь*, но уже как титул молдавского и валахского воевод:

(90) и чаю^Т что с нимъ соединитисѧ во^Искамъ господарь^И мол^Ддавского и
воло^Жсского.¹⁶¹

На основе этого довольно скудного материала можно лишь предварительно отнести процесс вытеснения формы *господарь* формой *государь* к концу XVI — началу XVII в. Форма *государь* возникла, несомненно, в разговорной речи;

¹⁵¹ АРГ № 59, с. 64.

¹⁵² СрезнМат II, 735.

¹⁵³ IssGRS 276.

¹⁵⁴ H. LEEEMING, The Phonology of Russian Words in 16th-century English Sources: Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego 25 (1967) 210—211.

¹⁵⁵ D. S. WORTH, The French Captain's Russian: Russian Linguistics 5 (1981) 205; B. M. ЖИВОВ, Margeretiana renovata: Russian Linguistics 6 (1982) 339, 346.

¹⁵⁶ Tönnies Fenne's Low German Manuel of Spoken Russian, Pskov 1607. Edited by L. L. HAMMERICH, R. JAKOVSON, Elizabeth van SCHOONEVELD, T. STARCK and A. STENDER-PETERSEN I—II. Copenhagen 1961—1971, I, 480, cp. II, 455.

¹⁵⁷ Там же, I, 38, cp. II, 24.

¹⁵⁸ IssGRS 284.

¹⁵⁹ Вести-Куранты 1645—1646, 1648 гг. Издание подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов. Под ред. С. И. Коткова. Москва 1980, № 5, л. 397, с. 18.

¹⁶⁰ Там же, см. сн. 3 к л. 397.

¹⁶¹ Там же, № 45 (1646 г.), л. 76, с. 124; ср. также черновик — Приложение № 7, л. 581, с. 234.

удовлетворительное решение вопроса о характере перехода *господарь* > *государь* требует дальнейших исследований источников. Существенным этапом дальнейших исследований могло бы быть раскрытие истории акцентуации этого слова на великорусской почве, поскольку записи иностранцев типа *haspodar*, *aspodar*, отражающие произношение конца XVI — начала XVII в., указывают на ударение на предпоследнем слоге, что фонетическую интерпретацию перехода *господарь* > *государь* делает весьма проблематичной. На наш взгляд, более надежна мысль П. Я. Черных о том, что мы имеем дело с контаминацией с гнездом *суд*, *судить*. Контексты, в которых эти понятия сближаются, имеются в летописях, ср., напр., рассказ Псковской 3-й летописи (список 60-х гг. XVI в.) о споре Ивана III с Новгородом о титуле под 1477 г.:

(91) вам своимъ господином челом биемъ; а что государи васъ, а то не зовѣмъ, а соуд вашимъ намѣстником на Городище по старинѣ, а что вашему соуду великихъ князей, ни вашихъ тивуномъ [sic!], а то в насъ не быти, ни дворице вамъ Ярославля не даемъ [. . .].¹⁶²

Предположение это, однако, нуждается в дополнительных доказательствах, и вопрос о характере перехода *господарь* > *государь* мы вынуждены считать и в дальнейшем открытым.

14. Предыстория слова *государь* не будет полной, если мы не скажем несколько слов о расширении употребления этого титула в XV—XVII в. Как уже было отмечено (ср. сн. 103), во второй половине XV в. титул *господарь* стали употреблять и некоторые удельные князья, тверской великий князь, а также в качестве коллективного титула — Великий Новгород незадолго до своего присоединения к Москве. Кроме этого, титул *господарь/государь* употреблялся иногда и по отношению к представителям высшего духовенства.¹⁶³

По-видимому, довольно рано начинает употребляться слово *господарь* как почтительная форма обращения жены к мужу (или упоминания о муже), ср. уже в грамоте 1482—1483 гг.:

(92) Се на³ Настасья Прокъѡсва жена Двдвча [. . .] придала есми то село съ всѣ^М с тѣ^М. ка^К въда^Л ѡсподарь мои Прокѡеи Давыдови^Ч. да и назь ка^К въдала после ѡсподара свое^Г Проко^Ѡга Двдвча.¹⁶⁴

¹⁶² ПскЛет 2, с. 209; ср. Н. М. Карамзин, указ. соч. VI, с. 67—69, примеч. 149.

¹⁶³ G. Stöckl, указ. соч. 115 (1455 г.); ср. еще СрезнМат 1, 572 (1491—1543 гг.); СРЯ XI—XVII вв. 4, 109 (1626 г.).

¹⁶⁴ Памятники русской письменности XV—XVI вв., Рязанский край. Издание подготовили С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. Москва 1978, № 2, с. 9.

Такое употребление могло распространиться из великокняжеского двора, где великая княгиня называла своего мужа, естественно, *господарем*, ср. уже в жалованной грамоте великой княгини Марьи Ярославовны 1450 г. (по современному списку):

(93) По Осподаря своего грамотѣ Великого князя Василя Васильевича, сязь Княгини Великая Марья пожаловала есмь [. . .].¹⁶⁵

Эту линию развития значения и расширения употребления слова мы считаем очень важной, поскольку она способствовала относительно быстрому распространению канцеляризма по происхождению слова в повседневной жизни, быстрой «демократизации» первоначально великокняжеского титула в быту (да ведь дома каждый мог титуловаться *господарем/государем*) и превращению его к XVII в. в общеупотребительную форму почтительного обращения.

15. В заключение хотелось бы вернуться к деривату (*г*)*осподарство*, который, как было отмечено, засвидетельствован впервые в грамотах митрополита Ионы, адресованных в Литву и в Казань, избыливающих западно-русизмами (ср. **11**). Это обстоятельство подтверждает наше мнение, сформулированное на основе еще значительно меньшего фактического материала, о том, что русск. *государство* < *господарство* является заимствованием из западно-русского *господарство*, которое в свою очередь калькирует польск. *państwo*.¹⁶⁶ В посольских книгах конца XV в. *господарство* встречается обычно только в дипломатических заявлениях польско-литовской стороны, ср., напр., в посольстве 1488 г.:

(94) намъ и нашимъ *государствомъ* отъ тебе съ твоеѣ земли великіи шкоды ся дѣють,¹⁶⁷

или в посольстве 1493 г.:

(95) ино тотъ князь ись стародавна нашъ слуга есть къ нашему *осподарству*, къ великому княжеству Литовскому.¹⁶⁸

¹⁶⁵ ДИ I, № 49, с. 98.

¹⁶⁶ Ср. нашу статью, указанную в примечании 18.

¹⁶⁷ ПДП I, № 4, с. 15.

¹⁶⁸ ПДП I, № 22, с. 104. Ср., однако, также в договорной грамоте Ивана III с императором Максимилианом 1490 г. (московский проект): «А почнешь, брате, ты доставати [. . .] вашего Государства Рускихъ земель» (ПДС I, 39) и (официально утвержденный текст, обратный перевод с немецкого или латинского): «А почнешь ты, нашъ братъ любовной, съ Божіею помощію доставати своего отечества Великого Княжества Кіевского, что тянетъ къ твоему Государству Русскихъ земель» (там же, 67). Бросается в глаза в этом тексте полонизм *доставати* (< польск. *dostawać*, ср. Koehman РКЖ 106; G. Kotošičin, O Rossii v carstvovanie Alekseja Michajloviča. Edited with a Commentary by A. E. PENNINGTON. Oxford 1980, 387; ср. также в нашей рецензии на эту последнюю книгу: StSl 29 (1983) 273,

Польск. *państwo* 'государство' калькирует лат. *dominium* и *dominatio*.¹⁶⁹ Таким образом, русск. *государство* в конечном итоге представляет собой семантический латинизм, опосредствованный польским и западно-русским языками. Это тем более замечательно, что в двух остальных современных восточно-славянских литературных языках — в украинском (*державна*) и белорусском (*дзяржава*) — для выражения понятия «государство» употребляется церковнославянизм *державна*, представляющий собой кальку с греческого.¹⁷⁰ Итак, предыстория слов *государь* и *государство* убеждает нас в том, что изучение западно-русского делового языка имеет большое значение для истории русской лексики, в отдельных случаях даже большее, чем для истории украинской или белорусской лексики.

Сокращения

АЗР I	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией, I. Санкт-Петербург 1846.
АИ I	Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией, I. Санкт-Петербург 1841.
АРГ	Акты Русского государства 1505—1526 гг. Составил С. Б. Веселовский. Москва 1975.
АСЭИ	Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в., I—III. Москва 1952—1964.
АФЗХ	Акты феодального землевладения и хозяйства, I—III. Москва 1951—1961.
АЮЗ I	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией, I. Санкт-Петербург 1863.
Булыка	А. М. Булыка, Даўнія запазычаны беларускай мовы. Мінск 1972.
ГВНП	Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. Москва — Ленинград 1949.
ГрXIV	Грамоти XIV ст. Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-покажчики М. М. Пецак. Київ 1974.
ГрXV	Українські грамоти XV ст. Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. Київ 1965.

сн. 17; дополнительно укажем на многочисленные случаи употребления глагола *доставати/достати* в ДДГ № 62, 1461—1462 гг., по списку конца XV в., с. 199—201); ср. также несколько дальше: «а будеть намъ валка съ Казимеромъ съ Королемъ» (там же, 39; ср. 67). Слово *валка* 'война' заимствовано посредством западно-русского (ССУМ I, 151; А. М. Булыка, указ. соч. 55) из польск. *walka* (Kochman KorDypl I, 43—44). Употребление этих слов указывает на то, что уже при составлении московского проекта договора воспользовались или каким-то западно-русским образцом, или же сформулирование документа было поручено кому-то из выходцев из Литовской Руси (ср. Я. С. Лурье, О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв.: Труды Отдела древнерусской литературы, 19. Москва—Ленинград 1963, 267; А. Л. Хорошкевич, указ. соч. 233). — К сожалению, цитированные выше издания не преследуют лингвистических целей; можно только предполагать, что пишется в них *государь*, если в подлиннике стояло *гдѣрь*, а *господарь, осподарь* — если в рукописи слово было написано без сокращения.

¹⁶⁹ Ср. J. Matuszewski, O państwie i Państwie: Czasopismo Prawno-Historyczne 10 (1958) 2: 77—104, особенно 87—89. Ср. также польские глоссы в латинских текстах: *dominus* — *pan*, *dominum* — *państwo* (SLP III, 836; SSStp VI, 35—36).

¹⁷⁰ Ср. греч. *κράτος* от *κρατεῖν* 1. 'держать', 2. 'владеть, править'. Ср. Fr. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae 1862—1865, 177—178; Slovník jazyka staroslovenského, sv. 10. Hlavní red. J. Kurz, Praha 1965, 520—522.

- ГрСмоленск Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. Москва 1963.
- ГрПолоцк 1 Полоцкие грамоты XIII — начала XVI. вв. I. Сост. А. Л. Хорошкевич. Москва 1977.
- ДДГ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печати Л. В. Черепнин. Москва—Ленинград 1950.
- ОбнБарх 1 С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка I. Москва 1952.
- ПДКр 1 Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией I (= СРИО 41). Санкт-Петербург 1884.
- ПДП 1 Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством I. (= СРИО 35). Санкт-Петербург 1892.
- ПДС 1 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. 1, Сношения с Государствами Европейскими I, Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Санкт-Петербург 1851.
- Преобр А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка I—II. Москва 1959.
- ПсковЛет Псковские летописи 1—2. Под ред. А. Н. Насонова. Москва (—Ленинград) 1941—1955.
- ПСРЛ Полное собрание русских летописей.
- ПСРЛ 2 Ипатьевская летопись (= ПСРЛ 2). Санкт-Петербург 1908.
- ПСРЛ 6 Софийская вторая летопись (= ПСРЛ 6). Санкт-Петербург 1853.
- ПСРЛ 25 Московский летописный свод конца XV в. (= ПСРЛ 25). Москва—Ленинград 1949.
- ПСРЛ 35 Летописи белорусско-литовские (= ПСРЛ 35). Москва 1980.
- РИБ VI Памятники древнерусского канонического права, ч. I. (памятники XI—XV вв.). Русская историческая библиотека VI. Санкт-Петербург 1908.
- Розов УкрГр В. Розов, Українські грамоти I, XIV в. і перша половина XV в. Київ 1928.
- СрезнМат И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам I—III. Санкт-Петербург 1893—1903.
- СрезнПам И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.), Общее повременное обозрение. Санкт-Петербург 1882.
- СРИО Сборник императорского Русского исторического общества
- ССУМ Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1—2. Київ 1977—1978.
- ССЯ Словарь русского языка XI—XVII вв. I—. Москва 1975—.
- Тамань В. М. Тамань, Полонизмы в языке русских памятников XVI века: Ученые записки ЛГУ 267, Серия филологических наук 52 (1960) 98—124.
- ТрубЭССЯ Этимологический словарь славянских языков, Прагский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева 1—. Москва 1974—.
- Фасмер М. Фасмер [M. VASMER], Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. I—IV. Москва 1964—1973.
- Черных П. Я. Черных, Очерк русской исторической лексикологии. Москва 1956.
- ШанЭСРЯ Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н. М. Шанского I/I—. Москва 1963—.
- DIR—B I Documente privind istoria României B. Țara Românească I. Veac 13, 14 și 15. București 1953.
- HRM Suppl Supplementum ad Historica Russiae monumenta. Petropoli 1848.
- Iss GRS A. ISSATSCHEENKO, Geschichte der russischen Sprache I, Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Heidelberg 1980.
- Kochman KD S. KOCHMAN, Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487—1571) I—IV: Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk 1969—1972, seria B, 7 (1971) 37—54, 8 (1972) 63—64, 9 (1973) 33—42, 10 (1974) 15—27.
- Kochman PKJ S. KOCHMAN, Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków 1967.
- Kochman PRS S. KOCHMAN, Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w., Słownictwo. Opole 1975.

- KuraszkFil W. KURASZKIEWICZ, Gramoty halicko-wołyńskie, Studium filologiczne: *Byzantinoslavica* IV (1932) 335—364.
- KuraszkJęz W. KURASZKIEWICZ, Gramoty halicko-wołyńskie, Studium językowe. Kraków 1934.
- Leeming H. LEEMING, Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696, Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego (= PAN — Oddział w Krakowie. Prace Komisji Językoznawstwa 44). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk 1976.
- MonSerb Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Ed. FR. MIKLOSICH. Viennae 1858.
- Sławski SE F. SŁAWSKI, Słownik etymologiczny języka polskiego I—, Kraków 1952—.
- SŁP Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce. Pod red. M. PLEZI. I—. Wrocław—Kraków—Warszawa 1953—.
- SStp Słownik staropolski. Red. naczelny S. URBAŃCZYK. I—. Warszawa (— Wrocław—Kraków—Gdańsk) 1953—.
- StSl Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae I—. Budapest 1955—.